

Содержание

Об этом издании.....	7
Принятые сокращения	11
1. СОВЕТСКИЙ ТИП ГОСУДАРСТВА.....	13
Государственность, построенная на утопии	16
Родовые черты государства советского типа.....	37
«Россия — одна фабрика»	37
«Советы — работающие корпорации»	60
«Партия — авангард»	76
Контрольные вопросы	86
Рекомендуемая литература	86
2. КОНСТИТУЦИЯ И КОНСТИТУЦИОННЫЙ СТРОЙ.....	87
О термине	89
Рождение конституции современного типа.....	94
Конституционализм как родовой признак конституции	100
Два односторонних подхода к пониманию конституции.....	104
Формально-юридический подход	104
«Социологический» подход. Концепция Ф. Лассаля	112
Значение конституции	122
Из истории создания действующей Конституции РФ	125
Незавершенная революция	125
Соединение несоединимого	129
Несправедливое «распределение ролей»	132
Борьба за власть или попытка завершения революции?	142
«Ответы на конституционные страхи».....	148

Содержание

Свойства конституции.....	154
Конституция — концентрированное выражение права	154
Высшая юридическая сила.....	161
Особый порядок изменения.....	167
Необходимость гарантирования	174
О прямом действии Конституции.....	206
Контрольные вопросы.....	216
Рекомендуемая литература	216
3. ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ РОССИИ	219
Конституционный строй и его основы	221
Человек, его права и свободы — высшая ценность	227
Неужели высшая ценность — человек?.....	227
Ответ на критику статьи 2	234
Российское гражданство.....	248
Что такое гражданство и каково его значение.....	248
Принципы российского гражданства	251
Правовое государство	265
Смысл правового государства	265
Право и закон.....	271
Право и правосознание	274
Отражение принципа правового государства в российской Конституции	279
Демократическое государство и республиканская форма правления.....	300
Демократия как «l'enfant terrible»	300
Преобразование «гадкого утенка»	305
Размытое понятие	312
Основные элементы демократического государства.....	316
Республика: трудности определения.....	350
Местное самоуправление	357
Антипод местного самоуправления	357
Два смысла местного самоуправления	358

Федеративное государство.....	363
Федерация как соединение сил.....	364
Федерация как способ разрешения конфликта.....	369
Статус субъектов федерации.....	375
История появления современной Федерации.....	377
О некоторых причинах «дефедерализации».....	382
Основные признаки федеративного государства и особенности Российской Федерации.....	387
Социальное государство.....	393
Рыночная (конкурентная) экономика.....	404
Светское государство.....	410
Соединение религиозного и светского.....	410
О концепции «симфонии властей».....	417
Проблемы, связанные с понятием «светское государство».....	428
Свобода совести.....	446
Контрольные вопросы.....	455
Рекомендуемая литература.....	455
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	460
Советский тип власти (пятый сон Веры Павловны).....	460
БИБЛИОГРАФИЯ.....	474
Работы классиков философии, права, богословия, истории и социологии.....	474
Книги, брошюры, диссертации, авторефераты диссертаций.....	478
Научные труды в сборниках и хрестоматиях, главы в монографиях.....	483
Статьи в научных журналах.....	485
Комментарии к Конституции Российской Федерации.....	490
Учебники и учебные пособия.....	490
Словари, энциклопедии и иные справочные издания.....	491
Работы К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина.....	492
Политические, публицистические, популяризаторские, художественные произведения, сообщения в прессе.....	496

Содержание

Международно-правовые акты и международные договоры России (в хронологическом порядке)	500
Нормативные правовые акты (в хронологическом порядке)	500
Судебные решения (в хронологическом порядке)	503
Иные документы (в хронологическом порядке)	506

Об этом издании

Когда я учился на юридическом факультете, новые термины и понятия так и сыпались. Конечно, в учебниках они объяснялись, давались их определения. И для сдачи экзаменов этого было достаточно. Но уже начав работать по специальности, я обнаружил, что учебные знания не позволяют мне (как я сам это воспринимал) «потрогать» то или иное понятие — как бы увидеть его образ и благодаря этому понять смысл, предназначение, правильно применить при анализе и оценке того или иного явления. Поэтому мне показалось полезным написать книжку, которая поможет еще на стадии учебного постижения некоторых понятий конституционного (государственного) права сделать их менее отвлеченными, менее «одномерными» и, надеюсь, более ясными.

Почему книга называется «Введение в конституционное право»? Потому, что она посвящена уяснению смысла наиболее важных и в то же время сложных понятий, которые применяются российской Конституцией и составляют *основу* конституционного права как науки и как отрасли. Постигая их, мы как бы приоткрываем завесу над одной из самых философских юридических дисциплин, входим в мир конституционного права. Без понимания основополагающих категорий мы не будем способны критически оценивать действительность, законы, политические решения и т.п., следовательно, не сможем быть хорошими профессионалами.

Говорю «мы» — поскольку, работая над книгой и думая, как сделать материал яснее, я и для себя продолжал уточнять какие-то моменты. Впрочем, для любого исследователя постоянное размышление над анализируемыми понятиями — совершенно нормальное явление. Поэтому, с одной стороны, сознавая, что пишу работу для учебных целей, я предпринял попытку (удачную или неудачную — судить вам) произвести, так сказать, *редукцию* отдельных понятий, т.е. свести их к некоторой схеме. С другой стороны, текст насыщен изложением разных мнений, точек зрения, что, в общем-то, противоречит стремлению упростить сложную материю. Однако если бы я отказался от этого, данную работу можно было бы назвать

«Популярным конституционным правом», «Конституционным правом для домохозяек» и т.п. Для тех же, кто готовится стать профессионалом, она оказалась бы бесполезной. Знакомство с разными позициями, теоретическими и практическими проблемами как раз и есть составная часть *введения* в самый сложный мир конституционного права.

Многие из анализируемых в настоящей книге понятий одновременно являются собой основные **конституционные ценности**. А ценность, как ее кратко определяет философская наука, это человеческое, социальное или культурное значение определенных явлений действительности¹. Проще говоря, то, что считается более (или даже наиболее) важным, значимым для человека и общества в целом.

Для того чтобы нечто стало для человека ценностью, он, естественно, должен понимать смысл, предназначение и значимость данного явления. Вот почему я старался объяснить, в чем состоит ценность и конституции, и основных принципов конституционного строя. Достоинство, свобода (физическая, духовная, творческая), собственность, материальное благополучие и многое другое (точнее, защита этих ценностей) зависят (иногда напрямую) от того, каковы основы данной государственности и насколько они реальны.

Некоторые суждения, высказанные в книге, авторские подходы, выводы могут показаться непривычными. Это не следствие моего стремления к оригинальности, а результат осмысления тех идей, о которых в свое время писали умнейшие и образованнейшие люди. Именно поэтому в работе много цитат: хотелось, чтобы вы почувствовали дух произведений разных мыслителей. Так что предлагаемое издание можно считать своего рода паллиативом хрестоматии. Кстати, поэтому при первом упоминании того или иного автора полужирным курсивом выделено его имя.

Структурно работа состоит из трех частей, которые разбиты на условные разделы и подразделы. Тем самым я даже «эстетически» отошел от традиционного учебника и потому не нумеровал эти структурные единицы.

Часть, посвященная краткому разбору того, что является собой *советский тип государства*, может показаться в данной работе ненуж-

---

¹ См., например: Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 765.

ной. Но я убежден, что разговор об этом необходим. Ведь любая новая система социальных отношений несет на себе отпечаток (и остатки) предшествующей. В значительной степени это относится к советской системе, основанной на совершенно ином мировоззрении и иных принципах. Соответственно, для понимания того, почему именно данные понятия и в данном преломлении фигурируют в Конституции РФ, а также для трезвой оценки действительности следует знать, «из какой “шинели” вышла»² существующая общественная и государственная система России.

Кроме того, та «картина мира», которая была «усвоена» советским человеком, не исчезла с появлением новых институтов и в силу социальной инерции оказывает влияние на становление принципиально иной государственной и общественной системы. Тем более что в государственном аппарате (в его широком понимании) до сих пор работает множество людей, чье нравственное и профессиональное становление пришлось на советское время. Социальный стереотип есть широко распространенный схематичный образ социального объекта. А значит, мы можем лучше понять современное состояние общества и государства, если выясним, на основе чего возникли и сформировались советские стереотипы.

Вторая часть книги посвящена *феномену конституции*. Без осмысления того, что представляет собой конституция в современном мире, затруднительно понять и что такое конституционный строй, каковы его основы, или главные принципы. О сущности конституции спорят уже два века. Не потому, что ученые не могут постичь этот феномен, а потому, что в зависимости от своего мировоззрения они по-разному его трактуют. Поэтому я постарался, пусть и схематично, представить различные подходы к пониманию смысла конституции и обрисовать тот, который считаю более верным.

В этой части, однако, говорится не только о понимании конституции. Естественно, я не мог обойти вниманием вопрос и о характере отечественной Конституции 1993 г., а также об исторических условиях, которые во многом предопределили ее особенности.

---

² Перефразировано известное выражение, приписываемое Ф.М. Достоевскому: «Все мы вышли из “Шинели” Гоголя».

Наконец, в последней, третьей части анализируются *основы конституционного строя России*. Конституция России (как и всякий иной подобный документ) обладает свойством *системности*, в связи с этим многие положения ее глав являются конкретизацией, раскрытием основ конституционного строя, закрепленных в ее первой главе. Однако такой системный анализ представляет собой отдельную исследовательскую задачу, и потому не все основы конституционного строя я соотносил с нормами из других глав Конституции.

В работе вы встретитесь с текстом, имеющим иной формат в сравнении с «основным». Этот прием я позаимствовал у выдающегося французского конституционалиста *Леона Дюги* (1859–1928), применившего его в фундаментальном труде «Конституционное право. Общая теория государства». Таким образом я отделяю большие цитаты, примеры из практики, а также некоторые авторские суждения, которые играют роль дополнительных.

Шрифтовые выделения во всех цитатах по умолчанию мои. Но если они были в самой цитате, я на это указываю.

Не могу не выразить глубокую благодарность моим друзьям и коллегам: **И.А. Алебастровой, В.Б. Евдокимову, А.Б. Зубову, В.А. Кряжкову, Л.Е. Лаптевой, Е.А. Мишиной, академику РАН Р.М. Энгову**. Своими ценными замечаниями и советами они помогли улучшить текст этой книги. И конечно же, я благодарен редактору **Г.Е. Шериховой** за ее замечательную работу над рукописью.

Принятые сокращения

Ведомости СНД и ВС РФ (СССР, РСФСР) — Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации (СССР, РСФСР).

ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет (см. также *ЦИК*).

ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению. Орган, созданный в процессе попытки государственного переворота 19 августа 1991 г., по приказу которого Президент СССР М.С. Горбачев был изолирован в Крыму и фактически отстранен от власти. ГКЧП просуществовал до 21 августа 1991 г.

ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при СНК СССР. Этот репрессивный орган в разные периоды советской истории имел разные наименования (ВЧК, НКВД, МГБ, КГБ). Этот орган даже упомянут в Конституции СССР 1924 г., в ст. 61 которой закреплялось: «В целях объединения *революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом* учреждается при СНК Союза ССР объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), председатель которого входит в СНК Союза ССР с правом совещательного голоса».

Политбюро ЦК КПСС (РКП (б), ВКП (б)) — Политическое бюро Центрального комитета коммунистической партии. Орган, реально управлявший партией и страной вплоть до путча в августе 1991 г. (некоторое время назывался Президиумом ЦК). Название самой партии неоднократно менялось: сначала РСДРП (Российская социал-демократическая рабочая партия), затем, после раскола на большевиков и меньшевиков, РСДРП (б), в 1918 г. — РКП (б) (Российская коммунистическая партия (большевиков)), после создания СССР — ВКП (б) (Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)) и, наконец, с 1952 г. — КПСС (Коммунистическая партия Советского Союза).

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

РФ — Российская Федерация.

САПП РФ — Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации.

Принятые сокращения

СЗ РФ — Собрание законодательства Российской Федерации.

СНК (РСФСР, СССР) — Совет народных комиссаров (Совнарком). Так с 1917 по 1946 г. именовался Совет министров (в союзных республиках также были СНК). По Конституции СССР 1924 г. СНК считался «исполнительным и распорядительным органом Центрального Исполнительного Комитета» и образовывался последним, но только формально, так как в реальности состав Совнаркома формировался Политбюро Центрального комитета компартии.

СУ РСФСР — Собрание узаконений РСФСР. Официальное периодическое издание, в котором публиковались акты органов государственной власти в первые годы советской власти.

ЦИК (до декабря 1936 г.) — Центральный исполнительный комитет Съезда Советов СССР (такие же органы существовали и в союзных республиках). Формально, по Конституции СССР 1924 г., «верховным органом власти» страны был Съезд Советов, но в период между съездами, т.е. сессиями, высшим органом являлся ЦИК, образуемый Съездом. Любопытно, что у ЦИК был еще и его Президиум, обладавший большими полномочиями. Сегодня акронимом «ЦИК» обозначают Центральную избирательную комиссию РФ. Чтобы не было путаницы, по отношению к ней я применяю аббревиатуру «Центризбирком».

1

СОВЕТСКИЙ
ТИП
ГОСУДАРСТВА

И еще одна безумная идея социалистов вскрыта ныне коммунизмом в России — идея построить благосостояние народа на нищете граждан, счастье коллектива на страдании индивидуума. Дело не только в том, что личность в социалистическом строе бесправна, а государственная власть неограниченна в своих правах; более того — здесь личность хозяйственно порабощена, нравственно уничтожена, творчески обессилена, не обеспечена в своих элементарных потребностях и раздавлена духовно. <...> Коммунисты поняли, что социализм и индивидуализм исключают друг друга; и со свойственной им прямолинейностью они приступили к подавлению духовной индивидуализации, к массовому изготовлению примитивного существа с вытравленной личностью. Они решили «переделать» человеческую природу и приступили к социализации человеческой души.

Иван Ильин
Кризис социализма (1931 г.)

Спор в венском кафе «Ландман» в 1918 г. разгорелся во время встречи немецкого социолога Макса Вебера с австрийским экономистом Йозефом Шумпетером и известным венским банкиром Феликсом Зомари; последнему, кстати, мы и обязаны ценнейшим свидетельством об этом споре. Речь зашла о русской революции. Й. Шумпетер радостно заявил, что социализм наконец перестал быть «бумажной дискуссией» и теперь будет вынужден доказывать свою жизнеспособность. М. Вебер возразил, что попытка ввести социализм в России, учитывая уровень ее экономического развития, есть, по сути дела, преступление и закончится катастрофой. По воспоминаниям Ф. Зомари, Й. Шумпетер холодно заметил, что это вполне может случиться, но что Россия представляет собой «прекрасную лабораторию». В ответ М. Вебер взорвался: «Лабораторию с горой трупов». Й. Шумпетер сказал: «Как и любой анатомический театр».

Ян-Вернер Мюллер
Споры о демократии. Политические идеи
в Европе XX века

Советская модель, или советский тип, государства — уникальное явление в истории человечества. Я бы не советовал этим гордиться, но понимаю, что мой совет проигнорируют: по многолетним опросам социологов, от 35 до 45 процентов наших сограждан считают, что советская политическая система лучше и нынешней системы, и западной демократии¹. Учитывая жанр учебного пособия, я не собираюсь рассуждать в терминах «лучше/хуже». Поэтому могу только повторить слова Ж.-Ж. Руссо: «Мое дело говорить правду, а не заставлять верить в нее». В данном случае — кратко рассказать о теоретической основе советского типа государства, его принципиальных особенностях и некоторых следствиях.

---

¹ См.: Общественное мнение — 2017. М.: Левада-Центр, 2018. С. 26 (в 2018 г. такой вопрос не задавался).

Государственность, построенная на утопии

Как известно, *утопия* — это описание того, чего *в реальности быть не может*. Это слово сегодня применяют к любой идее, кажущейся нереалистичной, но начинался жанр утопии с представления именно об «идеальном обществе». Подобных утопий европейская мысль знает немало. Одни из них представлены в форме философских произведений, например, у *Платона* (428/7–347 до н.э.), другие — в форме художественных, например, «Утопия» *Томаса Мора* (1478–1535), который и ввел сам этот термин². Хотя авторы утопий, как правило, *всего лишь* стремятся нарисовать картину счастливого благоденствующего общества, этот жанр не так уж безобиден: любое представление об «идеальном обществе» несет в себе зерна *тоталитаризма*. Но эта опасность массовым сознанием обычно не воспринимается, поскольку люди склонны очаровываться «высотой замысла».

Я и сам когда-то был влюблен в коммунистическую идею, а Ленина считал непрезойденным гением. В свое оправдание скажу лишь, что даже крупные личности подвержены ошибочным идеям. Главное, осознают ли это люди, способны ли к эволюции. Известный философ *Л.И. Шестов* (1866–1938) писал: «От прошлых убеждений Достоевского, от того, во что он веровал в молодости, когда впервые вошел в кружок Белинского, не осталось ни следа. Обыкновенно люди считают поверженных кумиров все же богами и оставленные храмы — храмами. Достоевский же не то что сжег —

---

² Утопией он назвал вымышленный остров, где размещалось его «идеальное общество».

он втоптал в грязь все, чему когда-то поклонялся. Свою прежнюю веру он уже не только ненавидел — он презирал ее»³.

Если мы читаем сказку, действие которой разворачивается в стране, где живут счастливые люди, потому что там правит добрый и справедливый король, мы понимаем, что это только сказка и она предназначена не для описания «идеального тридевятого королевства», а для других целей. Иное дело — утопия. Она являет собой не сказку, а *социальный проект*. Это было бы, наверное, нормальным видом творчества, если бы утопист не основывался исключительно на *своей* картине мира, на *своих* представлениях о справедливости, о характере отношений между людьми, об устройстве власти и т.п. Потому-то я и заключаю слова «идеальное общество» в кавычки, что идеально оно лишь для автора утопии и его единомышленников. Между тем любое общество гетерогенно, и потому воззрения утописта, каковы бы они ни были, не могут быть равно привлекательны для всех (а для кого-то образ «счастливого будущего» может казаться даже отвратительным). Таким образом, в самой утопии уже присутствует идея насилия над личностью, «принуждения к счастью» (мрачная иллюстрация: лозунг «Железной рукой загоним человечество к счастью» висел в начале 1920-х годов над воротами Соловецкого лагеря для политзаключенных и духовенства).

Известный политический мыслитель XX в. **Карл Поппер** (1902–1994), рассуждая о способах общественных преобразований, обрисовал два подхода: «*постепенный, поэтапный (piecemeal)*» и «*утопический*». В первом случае имеется в виду *совершенствование существующих* институтов, во втором — «*проекты переустройства общества в целом*, т.е. проекты весьма основательных изменений, практические последствия которых трудно предусмотреть, опираясь на наш ограниченный опыт»⁴.

Иван Крестев и **Стивен Холмс** высказали интересное наблюдение: «В 1989 году жители Центральной и Восточной Европы (бывших социалистиче-

---

³ *Шестов Л.* Достоевский и Ницше // Шестов Л. Соч. / сост., вступ. ст. и примеч. Л.В. Полякова. М.: Раритет, 1995. С. 28.

⁴ *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги: в 2 т. / пер. с англ.; под ред. В.Н. Садовского. М.: Феникс; Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. 1: Чары Платона. С. 204.

1. Советский тип государства

ских стран. — М. К.) мечтали не о каком-то идеальном мире, которого никогда не было. Они тосковали по “нормальной жизни” в “нормальной стране”. Как позже признался польский общественный деятель Адам Михник: “Я был одержим мыслью о том, что у нас будет революция, похожая не на французскую или русскую, а, скорее, на американскую — в том смысле, что она будет за что-то, а не против чего-то. *Революция ради конституции, а не рая. Антиутопическая революция. Потому что утопии ведут на гильотину и в ГУЛАГ*”⁵.

Оправданна именно «*постепенная социальная инженерия*», ибо она направлена на то, чтобы разрабатывать методы для поиска и борьбы с наиболее тяжелыми, нестерпимыми социальными бедами⁶. А вот стремление «искать величайшее конечное благо», говорил Поппер, приводит к ужасным последствиям:

«Можно искать небесный град в прошлом или в будущем, можно звать “назад к природе” или “вперед к миру любви и красоты”, но это всегда — призыв к нашим эмоциям, а не к разуму. Даже лучшие **намерения создать на земле рай могут превратить ее только в ад** — в ад, который человек — и только он — может создать своим собратьям»⁷.

Дело даже не в том, что «утопический рай» окажется адом, а в том, что сам *путь к утопической цели* неизбежно приносит невыносимые страдания и делает жизнь гораздо хуже той, которая существовала до попытки осуществления проекта.

Россия сполна испытала на себе действие этой закономерности. О причинах того, почему в начале XX в. многие приняли коммунистическую идею, спорят давно. Разумеется, какой-то одной причиной этого не объяснить. Но, думаю, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что не только «всеобщее счастье» для многих показалось достижимым, но и путь к этой цели выглядел заманчивым. Эта, как сейчас бы сказали, «дорожная карта», собственно, и представляет основные, или **родовые, черты советского типа государства.**

---

⁵ Кратев И., Холмс С. Имитация и ее отрицание // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1. С. 14.

⁶ См.: Там же.

⁷ Там же. С. 211.

Я применяю термин «родовые черты», для того чтобы показать: каковы бы ни были изменения, происходившие в течение десятилетий в конструкции советской государственности, каковы бы ни были особенности разных государств, применивших *советскую модель*, все это не отменяло главных, принципиальных ее отличительных свойств. Само же такое название обязано тому, что *первое* государство, отвечавшее типологическим чертам, обрисованным классиками марксизма, именовалось с 1918 по 1991 г. советским.

Эти черты я собираюсь рассмотреть в следующем разделе. А пока нужно сказать о том, *какая идея лежит в их основании*.

***

Карл Маркс (1818–1883), его соратник *Фридрих Энгельс* (1820–1895) и их главный российский последователь *В.И. Ленин* (1870–1924) считали, что, пока есть государство, не может быть свободы⁸, и были убеждены, что вполне возможно самоуправляющееся общество, которому не требуется государство. На таком убеждении они построили целую теорию и сами уверовали в ее научность (появилось даже понятие «*научный коммунизм*» — одна из «трех составных частей марксизма»⁹). И хотя Ленин сильно обижался на упреки в утопичности безгосударственного общества¹⁰, он отдавал должное социалистическим утопиям.

---

⁸ В этом они сходились с теоретиками анархизма, которые считались почти единомышленниками марксистов. Не случайно в Москве, да и в других городах вскоре после большевистской революции появлялись памятники видным теоретикам анархизма (прежде всего *П.А. Кропоткину* и *М.А. Бакунину*), в их честь переименовывались улицы и даже города.

⁹ Еще две части составляли марксистская философия и политэкономия (см.: *Ленин В.И.* Три источника и три составных части марксизма // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 23. М.: Политиздат, 1973). В советских вузах все три «части» были обязательными учебными дисциплинами.

¹⁰ См., например: *Ленин В.И.* Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. 48, 49, 57; *Ленин В.И.* Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК 6 (19) января 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 238–239; *Ленин В.И.* Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников») // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 19–20; *Ленин В.И.* Речь о продовольственном и военном положении на Московской конференции фабзавко-

1. Советский тип государства

Так, он выражал благодарность утопистам-социалистам (Сен-Симону, Фурье, Оуэну), «которые, **несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений**, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых **мы доказываем теперь научно**»¹¹. Впрочем, он лишь повторил положительную оценку утопистов, данную Марксом и Энгельсом еще в 1848 г. в «Манифесте коммунистической партии». Утопизм этих воззрений они объясняли тем, что «фантастическое описание будущего общества возникает в то время, когда пролетариат еще находится в очень неразвитом состоянии и представляет себе поэтому свое собственное положение еще фантастически, оно возникает из первого исполненного предчувствий порыва пролетариата к всеобщему преобразованию общества»¹².

Главное отличие марксизма от утопического социализма, говорил Ленин, состоит в том, что последний «не мог указать действительного выхода. Он не умел ни разъяснить сущность наемного рабства при капитализме, ни открыть законы его развития, ни найти ту *общественную силу* (курсив Ленина. — *М. К.*), которая способна стать творцом нового общества»¹³.

Следуя своей формационной концепции истории, марксизм считает, что при коммунизме социальное развитие достигнет своего предела, абсолюта. Так что идея «конца истории» принадлежит отнюдь не *Фрэнсису Фукуяме*¹⁴. Собственно, любая утопия — это как бы картина «конца истории». Но только марксизм обрисовал *путь* к этому «кон-

---

мов, представителей правлений профсоюзов, уполномоченных Московского центрального рабочего кооператива и совета общества «Кооперация» 30 июля 1919 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 122.

¹¹ Ленин В.И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 6. М.: Госполитиздат, 1963. С. 26.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 456.

¹³ Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма. С. 46.

¹⁴ В 1989 г. вышло эссе Ф. Фукуямы «Конец истории?», а в 1992 г. — его книга «Конец истории и последний человек», позднее опубликованная на русском языке (пер. с англ. М.Б. Левина. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004). Впрочем, сам Фукуяма пишет, что эта идея высказывалась и до него, в частности, русским эмигрантом Александром Кожевным.

цу», а ленинизм (большевизм) *конкретизировал и повел по этому пути Россию.*

В силу убеждения в своей научности марксистская теория, разумеется, не употребляет понятия «идеал», «идеальное общество» применительно к коммунизму, да и вообще в марксистском словаре слово «идеализм» ругательное. Однако коммунизм является именно «идеальным обществом», т.е. невозможным в действительности. Главным образом потому, что эта общественная система рассчитана на человека, имеющего совсем **иную психоэмоциональную природу**, нежели обычный, массовый человек (в наши дни появилось немало антиутопий, где фигурируют биологические особи с *искусственно заданными свойствами*. Но людьми их назвать уже нельзя. Поэтому такие произведения и называются *антиутопиями*). Откуда же возьмется, точнее, благодаря чему сформируется «коммунистический человек», которому не потребуются ни правовое регулирование, ни система контроля за соблюдением правовых норм и принуждения за их нарушение? Ленин давал такой ответ:

«Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: “каждый по способностям, каждому по потребностям”, т.е. **когда люди настолько привыкнут к соблюдению основных правил общежития и когда их труд будет настолько производителен, что они добровольно будут трудиться по способностям** (здесь и далее в цитате курсив Ленина. — М. К.). “Узкий горизонт буржуазного права”, заставляющий высчитывать, с черствостью Шейлока, **не переработать бы лишних получаса** против другого, не получить бы меньше платы, чем другой, — этот узкий горизонт будет тогда перейден. **Распределение продуктов не будет требовать тогда нормировки** со стороны общества количества получаемых каждым продуктов; каждый будет свободно брать “по потребности”. С точки зрения буржуазной легко объявить подобное общественное устройство (коммунизм. — М. К.) “чистой утопией” и зубоскалить по поводу того, что социалисты обещают каждому **право получать от общества, без всякого контроля за трудом отдельного гражданина, любое количество трюфелей, автомобилей, пианино и т.п.** Таким зубоскальством отделяются и поныне большинство буржуазных “ученых”, которые обнаруживают этим и свое невежество и свою корыстную защиту капитализма. Невежество, — ибо “обещать”, что высшая фаза развития коммунизма наступит, ни одному социалисту в голову не приходило, а *предвидение* великих социалистов, что она наступит, предполагает и **не теперешнюю производительность труда и не теперешнего** обывателя, способного “зря” — вроде как бурсаки

1. Советский тип государства

у Помяловского¹⁵ — портить склады общественного богатства и требовать невозможного»¹⁶.

Но это, в сущности, не ответ, ибо совершенно непонятно, *почему* люди должны будут привыкнуть к новым «правилам общежития» (надо понимать, основанным на взаимном уважении), *почему* труд будет высокопроизводительным и *почему* он обусловит всеобщую добросовестность («по способностям»), наконец, *почему* «теперешний обыватель» станет высокосознательным, «идеальным» человеком и **куда денутся неизбывные людские пороки и слабости — зависть, лень, ложь, ревность, гедонизм, тщеславие и проч. и проч.** Древние философы гораздо лучше понимали человеческую природу. Платон, например, писал:

«Самое великое зло — это господство страсти, когда *душа дичает от вождлений*. Всего более это проявляется в том, к чему у большинства имеется самое глубокое и сильное вождение, то есть в силе, которая вследствие дурных природных свойств и воспитания порождает тысячи побуждений к ненасытному и беспредельному стяжанию имущества либо денег»¹⁷.

Понятно, что марксизму как атеистическому учению ненавистно само слово «грех». Но даже в системе материалистических координат мы никуда не уйдем от природы человека (уже в первой человеческой семье, когда, казалось бы, делить было нечего, именно *зависть* Каина к своему праведному брату Авелю стала причиной убийства). Я уже не говорю о том, что человек в марксистском представлении — особь, лишенная высоких, надмирных устремлений. Марксизм смотрит на него лишь как на *работника и потребителя* и полагает, что человек «возлюбит ближнего

---

¹⁵ Русский писатель *Н.Г. Помяловский* (1835–1863) наиболее известен как автор повести «Очерки бирсы», хотя у него есть и другие неплохие произведения, например, «Мещанское счастье», «Молотов». Бирса — училище, готовившее для Церкви пономарей, дьячков, писцов. В основном туда отдавали своих детей крестьяне и мещане, в том числе чтобы спасти от солдатчины.

¹⁶ *Ленин В.И.* Государство и революция. С. 96–97.

¹⁷ *Платон.* Законы. Кн. 9 [Электронный ресурс] // Сайт «Библиотека Максима Мошкова». URL: http://lib.ru/POEEAST/PLATO/zakony.txt_with-big-pictures.html# (дата обращения: 03.03.2014).

своего, как самого себя» («братство») только потому, что появится материальное изобилие...

Как ни парадоксально, но утопичность идеи переделки человеческой природы в некотором роде подтверждает Ф. Энгельс. Вот его описание высшей ступени варварства перед переходом в эпоху цивилизации (об этих ступенях см. ниже):

«Богатства соседей возбуждают жадность народов, у которых приобретение богатства оказывается уже одной из важнейших жизненных целей. Они варвары: грабеж им кажется более легким и даже более почетным, чем созидательный труд. Война, которую раньше вели только для того, чтобы отомстить за нападения, или для того, чтобы расширить территорию, ставшую недостаточной, ведется теперь только ради грабежа, становится постоянным промыслом. Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации. То же самое происходит и внутри общества. Грабительские войны усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных ему военачальников; установленное обычаем избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу, в особенности со времени утверждения отцовского права, переходит в наследственную власть, которую сначала терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати. Так органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовый строй превращается в свою противоположность: из организации племен для свободного регулирования своих собственных дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа. Но этого никогда не могло бы случиться, если бы алчное стремление к богатству не раскололо членов рода на богатых и бедных <...>»¹⁸.

На самом деле никакого парадокса в этом нет. Коммунистическая идея, целиком основанная на материалистических категориях, совершенно не берет в расчет, что антропологически человек не меняется. Конечно, за тысячи лет изменились семейные отношения; изменилось отношение людей к государству, да и нормативное отношение государства

---

¹⁸ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 164–165.

1. Советский тип государства

к человеку. Но в целом люди не изменились. Собственно, сама история дает яркое подтверждение этому. Несмотря на то что за годы «воспитания нового человека» в СССР сменилось несколько поколений, человек не стал другим. И как только появилась возможность вновь приобретать частную собственность, мы увидели все малосимпатичные проявления, свойственные «периоду первоначального накопления капитала».

Теоретический марксизм захотел соединить «идеал» с политической практикой, а практический марксизм **превратил «идеал» в цель**¹⁹ («Наша цель — коммунизм» был одним из самых распространенных советских лозунгов). Между тем *идеал принципиально отличается от цели*. **Иммануил Кант** (1724–1804) писал, что идеал — это «идея, поставленная перед нами разумом в качестве объекта *стремления*»²⁰, а его современник **Иоганн Готлиб Фихте** (1762–1814) — что «*идеалы не могут существовать в действительном мире*; мы лишь утверждаем, что *по ним должно судить о действительности* и последняя изменяется теми, которые чувствуют в себе силы для этого»²¹. Проще говоря, идеала в земной жизни достичь невозможно, к нему можно лишь стремиться и в этом стремлении стараться постепенно менять жизнь к лучшему. Если же утопию пытаются реализовать, сделав целью несбыточное, возникает власть, паразитирующая на идее-цели (идеократия²²): поскольку цель становится все более призрачной, эта *власть требует все новых и новых жертв* (не случайно в конце 1920-х годов **И.В. Сталин** (1879–1953) выдвинул концепцию «обострения классовой борьбы по мере приближения к социализму»). Таким образом, утопия, если ее пытаются реализовать, не просто не способна приблизить «общество счастья» — она убивает и нормальную жизнь.

---

¹⁹ Показательно, что в известном советском Словаре русского языка **С.И. Ожегова** (1900–1964) слово «идеал» тоже определяется как «то, что составляет высшую *цель* деятельности, стремлений» (*Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. проф. Н.Ю. Шведовой. 11-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1975. С. 219).

²⁰ *Кант И.* Религия в пределах только разума // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 6. М.: Чоро, 1994. С. 61.

²¹ Цит. по: Краткая философская энциклопедия. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Энциклопедия», 1994. С. 169.

²² См.: *Аксюциц В.В.* Идеократия в России / вступ. ст. А.В. Водолагина. М.: Выбор, 1995.

* * *

Один из «главных блоков» в фундаменте коммунистического «общества счастья» — идея **ликвидации государства**. Чем же оно не угодило марксизму? Можно было бы сказать — тем, что государство для него не более чем **машина для подавления одного класса другим**²³, а потому во имя свободы оно должно быть уничтожено победившим пролетариатом. Но такой ответ был бы не вполне точным. Марксистская идея, в отличие от анархистской, состоит в том, что специально государство уничтожать не нужно, нужно лишь создать условия, при которых оно начнет **само отмирать** и человечество возвратится к периоду, когда оно существовало без государства. Об этом периоде обстоятельно говорит Ф. Энгельс в своем известном труде «**Происхождение семьи, частной собственности и государства**».

Эта работа имеет подзаголовок «В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана». Подзаголовок не случайный. Американский историк и этнограф *Льюис Генри Морган* (1818—1881) в 1877 г. опубликовал книгу «Древнее общество», ставшую результатом его исследовательской деятельности. К. Маркс подробно конспектировал этот труд, о чем Ф. Энгельс узнал, разбирая рукописи Маркса после его смерти. «Ознакомившись с этим конспектом и убедившись в том, что книга Моргана *подтверждает выработанное Марксом и им материалистическое понимание истории* и сложившиеся у них взгляды на первобытное общество, Энгельс счел необходимым написать специальную работу, широко используя замечания Маркса, а также некоторые выводы и фактический материал, содержащиеся в книге Моргана. Энгельс рассматривал это как “в известной мере выполнение завещания” Маркса»²⁴, о чем и сказал в Предисловии к своему труду, отметив, что Морган «по-своему *вновь открыл материалистическое понимание истории, открытое Марксом сорок лет тому назад*, и, руководствуясь им,

²³ См., например: *Маркс К.* Гражданская война во Франции. Воззвание Генерального совета международного товарищества рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. М.: Госполитиздат, 1960. С. 340; *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 173, 176; *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. М.: Госполитиздат, 1962. С. 200—201; *Ленин В.И.* Государство и революция. С. 39—40, 80, 90.

²⁴ Примечания [к тому 21] // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961. С. 565.

1. Советский тип государства

пришел, при сопоставлении варварства и цивилизации, в главных пунктах к тем же результатам, что и Маркс»²⁵.

Л. Морган разделял человеческую историю на три эпохи: дикости, варварства (в них он выделял еще и ступени) и цивилизации. По его концепции, дикость переходит в варварство, а варварство в цивилизацию главным образом благодаря освоению человеком природы, завоеванию новых территорий, совершенствованию орудий производства, разделению труда и т.п. На высшей ступени варварства появляется понятие *собственности*, а с нею разделение общества на классы, которое, в свою очередь, приводит к необходимости публичной власти, т.е. появляется государство и соответственно начинается эпоха цивилизации.

Ф. Энгельс дополнил данные Моргана результатами своего анализа исторических источников. Но свою главную задачу он видел, разумеется, не в историческом очерке, а в том, чтобы донести мысль о реалистичности задачи отмирания государства: раз его появление обусловлено частной собственностью и разделением общества на классы, значит, без них государство вновь станет ненужным. Вот что Энгельс пишет в конце книги:

«Итак, *государство существует не извечно*. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. На определенной ступени экономического развития, которая необходимо связана была с расколом общества на классы, государство стало в силу этого раскола необходимостью. Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. *Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли*. С исчезновением классов **исчезнет неизбежно государство**. Общество, которое по-новому организует производство на основе свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: *в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором*»²⁶. Строго говоря, «государственная машина» не должна быть «рядом с прялкой и с бронзовым топором», поскольку эти предметы характеризуют как раз догосударственное общество. Тем не менее мысль понятна: место государства — на свалке истории.

---

²⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 25.

²⁶ Там же. С. 173.

Конечно, марксизм в некотором смысле прав, называя государство «машиной» или «аппаратом». Мы ведь примерно так же воспринимаем государство (если речь не идет о государстве как стране). Весь опыт наших контактов с ним побуждает многих думать о государстве как бездушной машине. Мы забываем, что деятельности государственного аппарата по самой его природе не свойственна эмоциональность. Об этом хорошо сказал *А.П. Чехов* (1860–1904):

«Люди, имеющие служебное, *деловое отношение к чужому страданию*, например, судьи, полицейские, врачи, с течением времени, *в силу привычки, закаляются до такой степени, что хотели бы, да не могут относиться к своим клиентам иначе как формально*; с этой стороны они ничем не отличаются от мужика, который на задворках режет баранов и телят и не замечает крови»²⁷.

Однако такой взгляд мгновенно испаряется, как только государственные институты слабеют или, того хуже, разрушаются. Общество тут же погружается в хаос, в то самое «естественное состояние», при котором, по Т. Гоббсу, идет «война всех против всех»²⁸, действует «право сильного». И тогда люди готовы призвать любого тирана, лишь бы был восстановлен порядок.

Впрочем, тот же Энгельс отдавал должное государству как системе институтов регулирования и принуждения, главная задача которых состоит в сохранении социального мира: чтобы «классы с противоречивыми экономическими интересами, *не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе*, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, *над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах “порядка”*»²⁹. Однако такую здравую позицию он не стал развивать, иначе она стала бы противоречить идее *классового* характера любого государства. Эта идея выражается в том, что, по Энгельсу, экономически господствующий класс «становится также *политически* гос-

---

²⁷ Чехов А.П. Палата № 6 // Чехов А.П. Соч.: в 18 т. Т. 8. М.: Наука, 1985. С. 78.

²⁸ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. / сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 95.

²⁹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 170.

1. Советский тип государства

подставляющим классом и приобретает таким образом новые средства для *подавления* и эксплуатации угнетенного класса»³⁰.

Спору нет, в древнем и средневековом государстве правящий класс действительно рекрутировался в основном из знати, чье влияние на конкретные решения и на общую политику государства было сильно ощутимо. Но нигде не было абсолютного тождества между «экономически господствующим классом» и политической властью. Поэтому нельзя с такой же определенностью, как это делал Энгельс, называть античное государство «прежде всего государством рабовладельцев *для подавления рабов*», а «феодалное государство — органом дворянства *для подавления крепостных и зависимых крестьян*»³¹. К тому же абсолютные правители — монархи нередко выступали как раз в роли некоего средостения между классами. По крайней мере, «простой народ» именно так зачастую и воспринимал монарха.

Например, известный русский философ *Н.А. Бердяев* (1874—1948) писал: «Россия была темным мужицким царством, возглавленным царем. И это необъятное царство прикрывалось очень тонким культурным слоем. Огромное значение для душевной дисциплины русского народа имела идея царя. Царь был духовной скрепой русского народа, он органически вошел в религиозное воспитание народа. Без царя не мыслил народ никакого государства, никакого закона, никакого порядка, никакого подчинения общему и целому. Без царя для огромной массы русского народа распалась Россия и превратилась в груды мусора. Царь предотвращал атомизацию России, он *сдерживал анархию. Царь же охранял культурный слой от напора народной тьмы*, не нуждавшейся в высшей культуре. Или царь, или полная анархия — между этими полюсами колеблется мысль народная»³².

И уж тем более не соответствует действительности тезис о том, что «современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом»³³. Я не утверждаю, будто современная демократия обеспечила полное равенство всех перед законом и судом, т.е. что

---

³⁰ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 171.

³¹ Там же.

³² Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. С. 35—36.

³³ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 171—172.

фактор «денег» или «статуса» не играет никакой роли. Только хочу сказать, что даже во времена Энгельса утверждение, будто государство служит «классу капиталистов», мягко говоря, было большой натяжкой.

Хотя «научный коммунизм» говорит, что государство будет отмирать, он не имеет в виду процесс, происходящий сам собою. Нет, марксистское учение предполагает, что пролетариат после захвата власти должен предпринять *определенные действия*. Описанию этих действий и посвящена одна из наиболее известных работ В.И. Ленина «**Государство и революция**».

Подзаголовок этой работы «*Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции*» не случаен. В левом политическом лагере того времени были совершенно разные представления о том, на основе какой государственности нужно строить социализм. Так, лидеры немецкой социал-демократии выступали вообще «против социалистической революции и диктатуры пролетариата, революционной замены буржуазного государства пролетарским»³⁴, а вот анархисты и даже часть большевиков считали, что государство вообще не нужно, даже на переходный период. Свою задачу Ленин видел в «обращении к истокам» — *взглядам Маркса и Энгельса на государство вообще и «пролетарское» государство в особенности*. Поэтому он несколько месяцев тщательно выписывал высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о государстве (в том же томе эти выписки собраны под названием «Марксизм о государстве»).

Первым «действием» пролетариата марксизм считает **разрушение, уничтожение буржуазного государства**. В.И. Ленин утверждал: «Буржуазное государство не “отмирает”, по Энгельсу, а “*уничтожается*” (именно так — курсивом с разрядкой — Ленин подчеркнул это слово. — М. К.) пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство, или **полугосударство**»³⁵ (или, как иногда говорил Ленин, «*не государство в собственном смысле*»³⁶).

«Уничтожение», по Ленину, это прежде всего *отказ от институтов демократической государственности — разделения властей, плюрализма,*

---

³⁴ Предисловие [к тому 33]// Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат, 1969. С. VII.

³⁵ Ленин В.И. Государство и революция. С. 18.

³⁶ См.: Там же. С. 18, 66, 90, 230, 231 и др.

1. Советский тип государства

политической конкуренции. «Морально-теоретическое» основание для такого отказа было незамысловатым: «буржуазная демократия» предполагает только формальное равенство, а на самом деле она «всегда узка, лицемерна, лжива, фальшива, всегда остается демократией *для богатых, обманом для бедных*»³⁷; ограничения демократизма «выталкивают бедноту из политики, из активного участия в демократии»³⁸. Наоборот, «пролетарская демократия подавляет эксплуататоров, буржуазию — и потому не лицемерит, *не обещает им* (здесь и далее в цитате курсив Ленина. — М. К.) свободы и демократии — а трудящимся дает *настоящую демократию*»³⁹.

В реальности большевики в деле «уничтожения буржуазного государства» пошли еще дальше. Совнарком, руководимый В.И. Лениным, принял ряд решений, которые должны были показать, что создаваемое «пролетарское государство» вообще ничего общего не имеет с исторической Россией и даже отказывается *от правопреемства* с ней. В частности, был отменен практически весь корпус законов, а советское правительство заявило, что не будет выплачивать внешние долги России. Да и само слово «Россия» было упрятано в аббревиатуру «РСФСР».

Почему же нельзя сразу отказаться от государства? Потому, гласит марксистская теория, что потребуются некоторый период времени, чтобы *подавить сопротивление* классовых противников.

Насилие вообще, как писал К. Маркс, «является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»⁴⁰ (эти слова в сокращенном виде стали крылатой фразой: «насилие — повивальная бабка истории»). У победившего в революции пролетариата, предупреждали основоположники марксизма, обязательно будут противники — «буржуазия и ее пособники». Вот их и придется подавлять. Ф. Энгельс об этом ясно сказал в письме видному немецкому социал-демократу Августу Бебелю: «Так как государство есть лишь преходящее учреждение, которым прихо-

---

³⁷ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 37. М.: Политиздат, 1969. С. 104.

³⁸ Ленин В.И. Государство и революция. С. 88.

³⁹ Ленин В.И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. С. 104–105.

⁴⁰ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 761.

дится пользоваться в борьбе, в революции, чтобы **насильственно подавить своих противников**, то говорить о свободном народном государстве есть чистая бессмыслица: пока пролетариат еще *нуждается* (курсив Энгельса. — *М. К.*) в государстве, он нуждается в нем **не в интересах свободы, а в интересах подавления своих противников**, а когда становится возможным говорить о свободе, тогда государство как таковое перестает существовать»⁴¹.

Таким образом, функция принуждения (подавления) сохраняется на неопределенный период. Но эта функция уже не может быть доверена тем институтам, которые ее осуществляли в «буржуазном» государстве. «Все перевороты усовершенствовали эту машину, — писал Маркс, — вместо того, чтобы сломать ее»⁴², но «рабочий класс *не может просто овладеть* готовой государственной машиной и *пустить ее в ход* для своих собственных целей»⁴³. Почему?

По марксистской теории, государство — это главным образом бюрократия и институты государственного принуждения (армия и полиция), которые не позволят пролетариату произвести революционные изменения.

Ленин напоминал, что Маркс, говоря об уничтожении государства, «ограничивает свой вывод континентом»⁴⁴, и объяснял: «Англия была еще (в 1871 г. — *М. К.*) образцом страны чисто капиталистической, но *без военицины и в значительной степени без бюрократии*. Поэтому Маркс исключал Англию, где революция, и даже народная революция, представлялась и была тогда возможной без предварительного условия разрушения “готовой государственной машины”»⁴⁵.

К. Маркс в работе «Гражданская война во Франции» описывал весьма запутанную политическую ситуацию в этой стране во время Франко-прусской войны 1871 г., но главным образом этот труд был посвящен

---

⁴¹ Энгельс Ф. Письмо А. Бебелю // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. М.: Госполитиздат, 1961. С. 5.

⁴² Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. М.: Госполитиздат, 1957. С. 206.

⁴³ Маркс К. Гражданская война во Франции. С. 339.

⁴⁴ См.: Ленин В.И. Государство и революция. С. 38.

⁴⁵ Там же.

1. Советский тип государства

анализу действий и ошибок *Парижской коммуны*⁴⁶. В частности, он напомнил, что «первым декретом Коммуны было *уничтожение постоянного войска и замена его вооруженным народом*»⁴⁷. Ленин, для которого это стало одним из центральных тезисов в его концепции «отмирания государства», пытался представить, как это может быть в реальности. В частности, он писал:

«Чтобы *не дать* (курсив Ленина. — *М. К.*) восстановить полицию, есть только одно средство: создание всенародной милиции, слияние ее с армией (замена постоянной армии всеобщим вооружением народа). В такой милиции должны участвовать поголовно все граждане и гражданки от 15 до 65 лет, если этими примерно взятыми возрастaми позволительно определить участие подростков и стариков. Капиталисты должны платить наемным рабочим, прислуге и пр. за дни, посвященные общественной службе в милиции»⁴⁸. Это он повторял потом не раз⁴⁹.

Однако Ленин не придал значения тому обстоятельству, что пример Парижской коммуны был весьма специфическим, а сам этот период романтизирован Марксом: Коммуна отнюдь не была органом «диктатуры пролетариата», как это впоследствии пытались доказать марксисты, а объединяла сторонников разных идеологий (хотя все они были радикальные). Фактически не было и «замены армии вооружением народа». Просто так сложились обстоятельства. Еще за несколько месяцев до создания Коммуны из парижан была сформирована Национальная гвардия для обороны города от прусских войск. В нее входили все желающие, им платили жалованье, а командиры, действительно, избирались «гвардейцами». Эта «гвардия» и явилась тем самым «вооружением

---

⁴⁶ Слово «коммуна», более или менее соответствующее русскому слову «община», вошло в политический обиход во Франции еще в 1791 г., и Парижской коммуной с 1792 г. именовался парижский муниципалитет. Во время Франко-прусской войны 1871 г. так же назвал себя и *орган восстания*, продержавшийся чуть более двух месяцев. Восстание было жестоко подавлено правительством А. Тьера. Сегодня слова «Парижская коммуна» ассоциируются именно с этим периодом.

⁴⁷ *Маркс К.* Гражданская война во Франции. С. 342.

⁴⁸ *Ленин В.И.* Задачи пролетариата в нашей революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 31. М.: Политиздат, 1969. С. 165.

⁴⁹ См., например: *Ленин В.И.* Государство и революция. С. 100; *Ленин В.И.* Наши взгляды // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 31. М.: Политиздат, 1969. С. 280.

народа». Но весьма скоро стало ясно, что на добровольных началах это «вооружение» не просуществует, и Совет Коммуны издал декрет об *обязательной* службе в Национальной гвардии. А главное, парижское «народное войско» представляло собой слабо дисциплинированное и плохо управляемое сообщество.

«Нужно признать, — писал один французский автор, симпатизировавший Коммуне, — что никогда еще защита города не велась такими неопытными людьми. Среди генералов Коммуны, наряду с некоторыми умершими героями, было *много жалких и трусливых воинов, которые пьянствовали* в то время, когда другие шли на смерть»⁵⁰.

В России также довольно скоро после Октября 1917 г. большевикам пришлось и объявлять о мобилизации в армию⁵¹, и воссоздавать, по существу, полицию, хотя и называя ее милицией⁵². Тем не менее Ленин не думал пересматривать положения марксистской теории относительно «пролетарского государства». «Вооружение народа» вписывалось в концепцию «**полугосударства**», где важнейшие государственные функции становятся, по существу, *общественными*, поскольку предполагается «**привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся**»⁵³. А если «*все* (курсив Ленина. — М. К.) будут управлять по очереди», то «быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял»⁵⁴.

⁵⁰ *Вандервельде Э.* Парижская коммуна / пер. с фр. М.: Изд-во ВЦИК, 1918. С. 8.

⁵¹ 15 января 1918 г. был издан Декрет СНК РСФСР о создании Рабоче-Крестьянской Красной армии, 29 мая 1918 г. — Декрет ВЦИК «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Красную армию», а 29 июля 1918 г. — Декрет СНК РСФСР «О принятии на учет годных к военной службе граждан в возрасте от 18–40 лет», где, в частности, устанавливалось: «Все граждане Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, годные к военной службе, в возрасте от 18 до 40 лет, считаются военнообязанными и должны будут по первому призыву Рабочего и Крестьянского Правительства явиться на военную службу» // Сайт «Libussr.ru». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_281.htm (дата обращения: 16.03.2019).

⁵² Только в 2011 г. название «полиция» было восстановлено (см.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900).

⁵³ См., например: *Ленин В.И.* Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта [Седьмой экстренный съезд РКП(б). 1918 г.] // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 53.

⁵⁴ *Ленин В.И.* Государство и революция. С. 116.

1. Советский тип государства

Ленин посвятил немало работ тому, чтобы убедить как в необходимости «поголовного участия», так и в реальной возможности этого. Он считал, что управление государством состоит из небольшого числа довольно простых функций, «которые доступны, подсилы громадному большинству населения, а затем и всему населению поголовно»⁵⁵. Например, он художественно описывал, как небольшой революционный отряд приходит в квартиру инженера, чтобы «уплотнить», т.е. подселить в нее несколько семей рабочих⁵⁶. Появился даже своего рода мем: «*Каждая кухарка может управлять государством*» — слова, приписываемые Ленину. Однако тут я должен немного его защитить. Говоря про «кухарку», он имел в виду, что «каждую кухарку» можно обучить управленческим навыкам:

«Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны и с кадетами, и с Брешковской, и с Церетели⁵⁷. Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто *управлять* (курсив Ленина. — М. К.) государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы *обучение* (курсив Ленина. — М. К.) делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т.е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту»⁵⁸.

* * *

Итак, марксистская концепция, воспринимающая государство как врага свободы, только как аппарат для подавления и потому предполагающая, что оно в конечном итоге будет ликвидировано, «отомрет»,

---

⁵⁵ Ленин В.И. Государство и революция. С. 78.

⁵⁶ См.: Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 314–315.

⁵⁷ **Е.К. Брешко-Брешковская** (1844–1934) — в молодости «народница», позже — один из лидеров правого крыла партии эсеров. Эмигрировала из РСФСР в 1919 г. **И.Г. Церетели** (1882–1959) — известный меньшевик, входил в состав Временного правительства. Эмигрировал из Грузии, после того как там была установлена советская власть.

⁵⁸ Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? С. 315.

требует, чтобы «пролетарское государство» было основано *на совершенно новых принципах*, чтобы оно стало, так сказать, квазигосударством.

Забегая вперед, скажу, что эта идея не только не привела хотя бы к появлению тенденции «отмирания государства», но, наоборот, обусловила формирование тоталитарного государства, огосударствление всех областей жизни. Трудно сказать, верили ли сами советские руководители в то, что государство рано или поздно отомрет, или верность идеологии обязывала поддерживать этот тезис, но время от времени они вспоминали о нем. Наиболее ярко это продемонстрировал *Н. С. Хрущев* (1894–1971). Будучи руководителем СССР, он попытался вдохнуть в начале 1960-х годов новую жизнь в идею коммунизма, проведя на XXII съезде КПСС (октябрь 1961 г.) решение о принятии новой Программы КПСС, где говорилось, что к 1980 г. будет создана материально-техническая база коммунизма. «Программа КПСС была готова к июлю 1961 г. и пестрела фантастическими “расчетами”. Программа обещала к 1970 г. догнать и перегнать США по основным показателям (от стали и цемента до масла и яиц). К 1980 г. было обещано полное изобилие. В июле 1961 г. Хрущев громко заявил: “нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!”»⁵⁹. Правда, в Программе не говорилось, что к 1980 г. государство отомрет, но предполагалось, что «в процессе дальнейшего развития социалистической демократии произойдет постепенное превращение органов государственной власти в органы общественного самоуправления»⁶⁰. Поэтому, например, Министерство внутренних дел было переименовано в Министерство охраны общественного порядка, впрочем ненадолго.

Теперь нам предстоит чуть более подробно рассмотреть *основополагающие принципы, которые стали родовыми чертами государства советского типа*⁶¹. Тут, правда, подстерегают трудности. Во-первых, в марксистском описании «отмирающего» государства есть целый ряд особенностей, но оценивать, какие из них имеют фундаментальный и универсальный ха-

⁵⁹ История России. XX век: 1939–2007 / отв. ред. А. Б. Зубов. М.: Астрель: АСТ, 2009. С. 343.

⁶⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1974. С. 101.

⁶¹ Давно, еще в 1995 г., я опубликовал статью «Советский тип власти (пятый сон Веры Павловны)», где в концентрированном виде излагаются основные представления Ленина о будущем обществе и государстве (см. приложение к настоящему учебному пособию). Хотя статья написана в несколько художественной форме, она содержит почти дословные цитаты из разных ленинских работ.

1. Советский тип государства

рактически, можно по-разному. Во-вторых, в отдельные периоды советской истории существовали явления, о которых нет прямого упоминания в ленинской концепции (например, нэп или яростные репрессии против православного духовенства). Следует ли их относить к основным чертам, имманентным советскому типу? И в-третьих, особенности советской модели можно по-разному агрегировать и тогда их «набор» будет неодинаковым.

Например, *Е.Т. Гайдар* (1956–2009) писал, что «окончательная формула Ленина может звучать так: социализм = политическая диктатура партии + государственно-монополистическая экономика + коммунистическая идеология»⁶². В целом он прав. Но формула неполная. Во-первых, ничего не сказано о формальных органах государственной власти — Советах. А во-вторых, эта все-таки не формула Ленина, а «принципиальная схема» реальности, к которой привела концепция «полугосударства». Моя же задача — показать главные черты этого государства, сформулированные Лениным (хотя взяты они из трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, чего он не скрывал, даже подчеркивал). Поэтому, чтобы назвать данные черты, я применил цитаты из упомянутой ленинской работы «Государство и революция». Их три: 1) «Россия — одна фабрика», 2) «Советы — работающие корпорации» и 3) «Партия — авангард».

---

⁶² *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция // Гайдар Е.Т. Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2009. С. 252.

Родовые черты государства советского типа

«Россия – одна фабрика»

Согласно марксистской теории **ликвидация права частной собственности, ее обобществление и полное огосударствление экономики** — первые и главные шаги «пролетарского государства» (не случайно социалистическую экономику называют не только административно-командной, но еще и этатистской⁶³). Ф. Энгельс в работе «Принципы коммунизма» (она представляет собой самоинтервью) так объясняет необходимость обобществления собственности:

«14-й вопрос: *Каков должен быть этот новый общественный строй?* Ответ: Прежде всего, управление промышленностью и всеми отраслями производства вообще будет изъято из рук отдельных, конкурирующих друг с другом индивидуумов. Вместо этого **все отрасли производства будут находиться в ведении всего общества**, т.е. будут вестись в общественных интересах, **по общественному плану и при участии всех членов общества**. Таким образом, этот *новый общественный строй уничтожит конкуренцию и поставит на ее место ассоциацию*. Так как ведение промышленности отдельными лицами имеет своим необходимым следствием частную собственность и так как *конкуренция есть не что иное, как такой способ ведения промышленности, когда она управляется отдельными частными собственниками*, то частная собственность неотделима от индивидуального ведения промышленности и от конкуренции. **Следовательно, частная собственность должна быть также ликвиди-**

---

⁶³ См., например: Конституционное право. Общая часть: учеб.-метод. пособие к лекциям и семинарам (программа дисциплины, тезисы лекций, практикум) / под ред. Н.А. Богдановой. М.: ИКД «Зерцало-М», 2017. С. 67.

1. Советский тип государства

рована, а ее место заступит общее пользование всеми орудиями производства и распределение продуктов по общему соглашению, *или так называемая общность имущества*. Уничтожение частной собственности даже является *самым кратким и наиболее обобщающим выражением* того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым вследствие развития промышленности. Поэтому коммунисты вполне правильно выдвигают главным своим требованием **уничтожение частной собственности**⁶⁴.

Марксизм не первое учение, для которого частная собственность есть зло. Еще древнегреческий поэт и мыслитель *Гесиод* (VIII—VII вв. до н.э.) считал, что когда-то на земле существовал «золотой век» — время изобилия и благоденствия, поскольку *ничего «своего»* у людей не было. Правда, по мнению американского историка *Ричарда Пайпса* (1923—2018), «представление об идеальном мире без собственности следует отнести на счет не коллективной памяти, а коллективных *вожделений*. Поддерживаются они убеждением, что *неравенство положений и имущественных состояний* “противоестественно”»⁶⁵. Другими словами, неприятие, полагал Пайпс, вызывал не сам институт частной собственности, а ее неравное «распределение».

Скорее всего, это так. Однако не все мыслители оценивали институт собственности с позиций неравенства. Например, Платон смотрел на нее с *моральных* позиций. Он считал, что *богатство обратно пропорционально добродетели*: «Разве не такое отношение между богатством и добродетелью, что если оба эти предмета положить на двух тарелках весов, то они пойдут по противоположным направлениям?»⁶⁶. А в другом произведении утверждал, что «одновременно быть и очень хорошим, и очень богатым невозможно»⁶⁷. Именно поэтому в его «идеальном государстве» правители (философы и воины), т.е. «лучшие люди», не должны ничем владеть, только «низшие» слои — ремесленники, торговцы и т.п.

---

⁶⁴ *Энгельс Ф.* Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 329—330.

⁶⁵ *Пайпс Р.* Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000. С. 19.

⁶⁶ *Платон.* Политика, или Государство // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. М.: ЭКСМО; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 233—234.

⁶⁷ *Платон.* Законы. Кн. 5 [Электронный ресурс] // Сайт «Библиотека Максима Мошкова».

Для платоновского ученика *Аристотеля* (384–322 гг. до н.э.) значимым был *социальный* критерий: слишком большое имущественное неравенство, разъединяющее людей. Впрочем, писал он, распри возникают «не только вследствие имущественного неравенства, но и вследствие неравенства в получаемых почестях»⁶⁸. Однако Аристотель скептически относился к возможностям государства уравнивать имущественное положение, понимая, что препятствием к этому служит *сама природа человека*:

«Но допустим возможность осуществления имущественного равенства; в таком случае имущество окажется или чрезмерно большим, так что повлечет за собой роскошь, или, наоборот, чрезвычайно малым, так что жизнь будет скудная. Отсюда ясно, что законодателю не достаточно еще уравнивать собственность; он должен стремиться к чему-то среднему. Но если бы даже кто-нибудь установил умеренную собственность для всех, пользы от этого не было бы никакой, потому что *скорее уж следует уравнивать человеческие вожеления, а не собственность*»⁶⁹.

Теоретически философ допускал возможность преодолеть этот фактор, «когда граждане будут надлежащим образом воспитаны посредством законов»⁷⁰, но не сильно верил в это⁷¹. А главное, считал он, имущественное равенство, с одной стороны, бесполезно, так как «величайшие преступления совершаются *из-за стремления к избытку*, а не к предметам первой необходимости», с другой — имеет свои негативные стороны:

«Ведь *люди одаренные станут, пожалуй, негодовать на такое равенство*, считая его недостойным себя; поэтому они зачастую оказываются зачинщиками возмущений. К тому же *человеческая порочность ненасытна*: сначала людям достаточно двух оболов, а когда это станет привычным, им всегда будет нужно больше, и так до бесконечности. Дело в том, что вожеления людей по природе беспредельны, а в удовлетворении этих вожелений и проходит жизнь большинства людей. Основное во всем этом — *не столько уравнивать собственность, сколько устроить так, чтобы люди, от природы достойные, не желали иметь больше, а недостойные не имели такой возможно-*

⁶⁸ *Аристотель*. Политика // Платон, Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. С. 354.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ См.: Там же.

1. Советский тип государства

сти; это произойдет в том случае, если этих последних поставят в низшее положение, но не станут обижать»⁷².

Стихийная социальная практика сводилась главным образом именно к *перераспределению* материальных благ. Способы были разными. Чаще всего это проявлялось в уничтожении и разграблении имущества «богатых» (кавычки означают, что далеко не всегда речь шла действительно о богатых людях. Например, в России во время крестьянских бунтов нередко грабили и поджигали усадьбы далеко не состоятельных помещиков только потому, что они находились рядом). Весьма романтизирован «способ перераспределения» *Робин Гуда*: грабить богатых, чтобы передать имущество бедным, что оправдывало его в глазах большинства. Не случайно его ипостаси есть в разных культурах (у нас в позднесоветское время это Юрий Деточкин). Менее благородная разновидность «перераспределения» — кража для удовлетворения *собственных* нужд, но с обоснованием «моральной правоты».

В романе американского писателя и драматурга *Торнтона Уайлдера* (1897–1975) «День восьмой» один из героев так оправдывает свое право украсть: «Собственность — самое священное в этом мире. Священной, чем совесть. Дороже, чем доброе имя женщины. И никто никогда не пытался определить суть этого столь важного понятия. Собственность может быть незаработанной, незаслуженной, приобретенной грабежом или вымогательством, ею можно злоупотреблять, растрачивать ее попусту — от этого не изменится ни на йоту ее священный, ее божественный характер. Когда-то за кражу буханки хлеба человека вздергивали на виселице. Теперь этого не делают; теперь ломают его жизнь и уродуют жизнь его детей. Я однажды был приговорен к восьми месяцам тюрьмы за то, что украл велосипед — игрушку маленького богача. Но мне удалось бежать и украсть еще один. Потому что мне *нужен* был велосипед»⁷³.

Но это всё способы, повторю, *стихийного перераспределения*. А вот марксизм предложил радикальный **способ навсегда покончить с имущественным неравенством**: ликвидировать вообще всякую индивидуальную собственность, обобществить ее, т.е. заменить «мое» «нашим». И здесь об-

---

⁷² *Аристотель*. Политика. С. 356.

⁷³ *Уайлдер Т.* День восьмой // Уайлдер Т. Мост короля Людовика Святого. Мартовские иды. День восьмой: сб. / пер. с англ.; предисл. Д. Урнова. М., 1983. С. 516.

наруживается еще один признак утопичности этого учения: оно игнорирует, что «наше», скорее всего, окажется «ничьим», а зачастую и «чьим-то».

Глубокий правовой мыслитель *И.А. Ильин* (1883–1954), высланный большевиками за границу, писал в 1926 г.: «Началось с лозунга “грабь награбленное”. <...> В чем отличие этого от разбоя? Только в объеме и дерзости. “Конфискация”? Да ведь “фиск” означает государственную казну... Зачем же “грабь”, да еще в повелительном наклонении? Грабь! И страна начала грабить. Сначала отнимал, кто хотел и кого хотел; потом стали отнимать по бумажкам; потом по доносам и расстрелам. <...> Все знали, что казны нет; что есть грабительская шайка, наворовывающая — и по личным карманам, и в совокупный карман; и что этот совокупный карман — не русский и не для России, что это карман международного разбойника и что предназначен он для организации новых грабежей, но уже в мировом масштабе»⁷⁴.

И вообще, понятие «мое» неизбывно. Дело тут не в стремлении к богатству, а в том, что возможность распоряжаться пусть даже малым дает человеку столь необходимое ему ощущение свободы, личной автономии. От «моего» люди могут отрешиться только под влиянием существенно более сильных мотивов. Впрочем, для кого-то даже и такие мотивы не действуют:

В Новом Завете, в книге Деяний святых апостолов на тему возможности отказа от «моего» содержится *поучительнейший сюжет*. После Вознесения Христова и первых проповедей апостолов в Израиле начали образовываться христианские общины. Причем первые христиане считали, что Второе пришествие Христа и Страшный суд вот-вот наступят. Они отказывались от земных благ, дабы приготовиться к этому событию: «*У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее. <...> Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам Апостолов; и каждому давалось, в чем кто имел нужду»* (Деян. 4: 32; 34–35). Именно поэтому, кстати, первые христиане порой называются «первыми коммунистами», что совершенно не так, ибо идея коммунизма апеллирует главным образом к материальным ценностям. Но тут важно другое. Даже среди членов этих братских общин находились люди, не желавшие расстаться с привычными

⁷⁴ *Ильин И.А.* Дух преступления // Ильин И.А. Собр. соч. Новая национальная Россия. Публицистика 1924–1952 гг. / сост., вступ. ст. Ю.Т. Лисицы; подготовка текста О.В. Лисицы; коммент. Ю.Т. Лисицы и А.Ю. Лисицы. М.: Институт Наследия, 2019. С. 143–144.

1. Советский тип государства

земными пристрастиями: «Некоторый же муж, именем Анания, с женою своею Сапфирию, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам Апостолов. Но Петр сказал: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это» (Деян. 5: 1–5).

Итак: оба супруга искренне страшатся Божьего суда. Поэтому они добровольно (!) продают имущество и приходят в общину единомышленников. И все-таки, даже несмотря на эти сильнейшие побудительные мотивы, укрывают часть денег. Зачем? На всякий случай?.. Непостижимая тайна человеческой природы! *Св. Феофан Затворник* (Г.В. Говоров, 1815–1894) говорит о том, что и «усопшие не вдруг свыкаются с новою жизнью. Даже у святых некое время держится земляность (привязанность к земному)». Если дьявол мог искусить искренне уверовавших Ананию и Сапфиру, то не в тысячу ли раз ему легче соблазнить материалистов?

Однако для основоположников марксизма все это не могло служить аргументом, ибо опровергало их теорию. Они были абсолютно уверены в истинности собственной методологии, составной частью которой является *исторический материализм*. Согласно ему история зависит от *экономических (производственных) отношений*, а психология человека не является сколько-нибудь важным фактором.

В «Капитале» К. Маркса история рисуется лишь как смена общественно-экономических *формаций*, причем смена естественная («естественноисторический процесс»⁷⁵). Соответственно капитализм — это лишь «очередной, такой же *преходящий*, как все остальные, этап истории», поскольку содержит источник для *самоисчерпания*⁷⁶. А этот источник кроется в основном противоречии данной формации — между *общественным* характером производства (в отличие от индивидуального — труда самого собственника) и *частным* характером присвоения его результатов⁷⁷. Чем более общественным становится производство и экономическая инфраструктура (а это происходит по мере концентрации

---

⁷⁵ См.: *Маркс К.* Капитал... С. 10.

⁷⁶ См.: *История экономических учений: учеб. пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой.* М.: ИНФРА-М, 2009. С. 112.

⁷⁷ См.: Там же. С. 135.

капитала, укрупнения предприятий и банков), тем более острым оказывается данное противоречие. И тогда «*монополия* капитала становится *оковами* того способа производства, который вырос при ней и под ней. *Централизация средств производства и обобществление труда* достигают такого пункта, когда они становятся *несовместимыми с их капиталистической оболочкой*. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют»⁷⁸.

Понятно, что «капиталистическая оболочка» не сама «взрывается». По Марксу, *пролетариат* — «могильщик» капитализма⁷⁹. Ведь только у рабочих, считает марксизм, кроме своих рук (умения, навыков, квалификации и т.п.), нет собственности (одно из значений латинского слова «proletarius» — *неимущий римский гражданин*⁸⁰). И марксизм как бы говорит: очень хорошо, что нет. Значит, этому классу «нечего терять, кроме своих цепей», а приобрести он сможет не собственность, а «весь мир»⁸¹. Но этот мир будет миром уже без всякой собственности.

Таким образом, марксизм видит цель не в создании условий для того, чтобы рабочие стали собственниками, как предлагал, например, автор концепции социального государства *Лоренц фон Штейн* (1815–1890), а в отказе от индивидуальной собственности вообще (не случайно даже крестьянство для коммунистов — в общем-то чуждый класс, ибо обладает пусть небольшой, но собственностью).

К. Маркс и Ф. Энгельс были нацелены главным образом на выработку теории, поэтому их в гораздо меньшей мере занимали вопросы практических шагов после пролетарской революции. Этот пробел восполнил В.И. Ленин. Другое дело, что уже первые практические шаги большевиков после Октября привели к необходимости корректировать некоторые положения основоположников.

⁷⁸ Маркс К. Капитал... С. 772–773.

⁷⁹ См.: Там же. С. 773.

⁸⁰ См.: Подосинов А.В., Козлова Г.Г., Глухов А.А. *Lingua Latina*. Латинско-русский словарь. 4-е изд. М.: Флинта; Наука, 2001. С. 267.

⁸¹ Целиком этот тезис звучит так: «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир» (Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. С. 459).

1. Советский тип государства

Например, марксистская теория требует уничтожения не только права собственности, но и всех институтов, так или иначе связанных с ним, в том числе института *наследования*. Ф. Энгельс утверждал, что лишь для эпохи цивилизации характерно «введение завещаний, с помощью которых собственник может распоряжаться своей собственностью и после своей смерти»⁸². А вот родовому строю, в котором марксизм видел примитивный аналог коммунизма, этот институт противоречит (например, в Афинах наследование не было известно вплоть до Солона)⁸³. Большевики, восприняв этот тезис как руководящее указание, поначалу наследование отменили. Декрет ВЦИК РСФСР от 27 апреля 1918 г. «Об отмене наследования» начинался со слов: «Наследование как по закону, так и по духовному завещанию отменяется. После смерти владельца имущество, ему принадлежавшее (как недвижимое, так и движимое), становится государственным достоянием Российской Социалистической Советской Федеративной Республики»⁸⁴. Однако с началом *Новой экономической политики — нэп* (1921 г.) этот декрет пришлось отменить, и большевики уже не покушались на институт наследования, хотя и ограничивали его.

Нэп заставил скорректировать и некоторые другие радикальные представления марксизма. По крайней мере, пришлось временно допустить рыночные отношения. Поэтому появилась необходимость принятия Гражданского кодекса⁸⁵. Правда, будучи вынужденной уступкой, этот акт предусматривал только урезанную экономическую свободу, о чем свидетельствуют, например, слова В.И. Ленина, адресованные наркому (министру) юстиции Д.И. Курскому в 1922 г.:

«Мы ничего “частного” не признаем, для нас *все* (здесь и далее в цитате курсив Ленина. — М. К.) в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное. Мы допускаем **капитализм только государственный, а государство, это — мы**, как сказано выше. Отсюда — расширить применение государственного вмешательства в “частноправовые” отношения; расширить право государства отменять “частные” договоры; применять не *corpus juris gotani* к “гражданским правоотношениям”, а *наше революционное пра-*

---

⁸² Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. С. 176.

⁸³ См.: Там же.

⁸⁴ Цит. по: Сайт «Libussr.ru» (дата обращения: 07.10.2017).

⁸⁵ Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. был введен в действие с 1 января 1923 г. (см.: Постановление ВЦИК РСФСР от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Гражданского Кодекса РСФСР», принятое на IV сессии 31 октября 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 71. Ст. 904).

восознание; показывать систематически, упорно, настойчиво на ряде образцовых процессов, как это надо делать с умом и энергией; через партию шельмовать и выгонять тех членов ревтрибуналов и нарсудей, кои не учаются этому и не хотят понять этого»⁸⁶.

Излишне рассуждать о замене права «революционным правосознанием» (еще один оксюморон). Обратит внимание в приведенной цитате нужно на другое: «государство, это — мы». Кто «мы»? Пролетариат и беднейшее крестьянство под руководством коммунистической партии. Следовательно, общественный продукт производится трудящимся народом и им же распределяется и перераспределяется. Организован же этот народ (на первом этапе) в государство⁸⁷.

Но это государство, основанное на «поголовном участии всех трудящихся в управлении», уже является «полугосударством». Вот это «полугосударство», по мысли Ленина, и должно стать «одной фабрикой». Чтобы объяснить, какой смысл он вкладывал в данное понятие, приведу следующий отрывок из «Государства и революции»:

«Учет и контроль — вот *главное* (здесь и далее в цитате курсив Ленина. — М. К.), что требуется для “налажения”, для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества. *Все* граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. *Все* граждане становятся служащими и рабочими *одного* всенародного, государственного “*синдиката*”. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну. Учет этого, контроль за этим *упрощен* капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок. Когда *большинство* народа начнет

⁸⁶ Ленин В.И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики. Письмо Д.И. Курскому // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. М.: Политиздат, 1970. С. 398.

⁸⁷ В отечественном государствоведении есть похожая концепция: государство определяется как *публично организованное общество* (однако без идеи «поголовного участия в управлении»). Такой концепции придерживался, в частности, известный советский и российский правовед Л.С. Мамут (1929–2015) (см., например: Мамут Л.С. Народ в правовом государстве. М.: Норма, 1999. С. 35–36). Критику такого взгляда см.: Краснов М.А. Л.С. Мамут и вечные вопросы // Труды Института государства и права РАН. 2016. № 2.

1. Советский тип государства

производить самостоятельно и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, всеобщим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, “некуда будет деться”. Все общество будет **одной конторой и одной фабрикой** с равенством труда и равенством платы»⁸⁸.

Почему главным понятием у Ленина становится «учет и контроль»? Да потому, что он представлял, что сразу же после захвата власти будет введен принцип первой фазы коммунизма: «От каждого по способностям, каждому по труду». И рисовал такую схему:

«Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает *удостоверение от общества*, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он *получает из общественных складов* предметов потребления соответственное количество продуктов. За вычетом того количества труда, которое идет на общественный фонд, *каждый рабочий, следовательно, получает от общества столько же, сколько он ему дал*»⁸⁹.

А через несколько дней после свержения Временного правительства на встрече с депутатами Петросовета Ленин говорит:

«На днях рабочие получили закон о контроле над производством (закон о рабочем контроле от 14 ноября 1917 г. — М. К.). Согласно этому закону, фабрично-заводские комитеты составляют государственное учреждение. Рабочие должны немедленно претворить этот закон в жизнь. *Рабочие дадут крестьянам ткани, железо, а крестьяне дадут хлеб. Я видел сейчас (17 ноября 1917 г. — М. К.) товарища из Иваново-Вознесенска, и он мне сказал, что это главное. Социализм — это учет. Если вы хотите взять на учет каждый кусок железа и ткани, то это и будет социализм*»⁹⁰.

Таким образом, идея «страны-фабрики (синдиката)» вылилась в идею примитивного обмена продукцией под надзором государства. Од-

---

⁸⁸ Ленин В.И. Государство и революция. С. 101.

⁸⁹ Там же. С. 92.

⁹⁰ Ленин В.И. Речь на заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов совместно с фронтовыми представителями 4 (17) ноября 1917 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 63.

нако эта «фабрика», вопреки уверенности Ленина, не работала *«так, как работают часы»*⁹¹.

С одной стороны, обобществление собственности не привело к скачку производительности труда в промышленности. Даже такая форма «коммунистической сознательности», как «субботник», чему очень радовался Ленин, свидетельствовала, что речь идет вовсе не о высокой производительности, а лишь об увеличении рабочего времени.

В 1919 г. Ленин прочитал в главной партийной газете «Правда» об инициативе рабочих-коммунистов одного железнодорожного депо дополнительно бесплатно поработать. В посвященной этому событию брошюре «Великий почин» он цитировал газетное сообщение: «7 мая на общем собрании коммунистов и сочувствующих подрайона Московско-Казанской дороги был поставлен вопрос о переходе от слов о содействии победе над Колчаком к делу. Вынесенное предложение гласило: “Ввиду тяжелого внутреннего и внешнего положения, для перевеса над классовым врагом коммунисты и сочувствующие вновь должны пришпорить себя и вырвать из своего отдыха еще час работы, т.е. увеличить свой рабочий день на час, суммировать его и в субботу сразу отработать 6 часов физическим трудом, дабы произвести немедленно реальную ценность. Считая, что коммунисты не должны шадить своего здоровья и жизни для завоеваний революции — работу производить бесплатно. *Коммунистическую субботу* (курсив Ленина. — М. К.) ввести во всем подрайоне до полной победы над Колчаком”. После некоторых колебаний это предложение было принято единогласно. В субботу, 10 мая, в 6 часов вечера, как солдаты, явились коммунисты и сочувствующие на работу, построились в ряды и без толкотни были разведены мастерами по местам»⁹².

Энтузиазм военного времени (да и то далеко не массовый) Ленин принял за *«начало переворота*, более трудного, более существенного, более коренного, более решающего, чем свержение буржуазии, ибо это — победа над собственной косностью, распушенностью, мелкобуржуазным эгоизмом, над этими привычками, которые проклятый капитализм оставил в наследство рабочему и крестьянину»⁹³. Его радость можно по-

⁹¹ См.: Ленин В.И. Вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 156.

⁹² Ленин В.И. Великий почин. С. 6.

⁹³ Там же. С. 5.

1. Советский тип государства

нять: хотя Ленин выражался весьма категорично, не думаю, что он был так уж уверен в реалистичности своих (Марксовых) идей, в том числе идеи «поголовного участия в управлении». А потому он искал этой реалистичности любое подтверждение. Но искал напрасно. Сама судьба советской власти тому свидетельство. Что же касается субботников, то они стали насмешкой над «коммунистической сознательностью»: раз или два в году объявлялось о проведении субботника, на который рабочие и служащие страны фактически обязаны были являться (родился даже советский парадокс: «добровольно-принудительно»). Но «коммунистический труд» сводился, как правило, к 2–3-часовой уборке рабочих мест или прилежащей территории.

С другой стороны, принцип «фабрики» не относился к крестьянству, а потому осуществлять «рабочий учет и контроль» мелкой *частной* собственности было невозможно. Поэтому, когда стало не хватать промышленных товаров для обмена с крестьянством, а последнее, естественно, перестало поставлять продукты в города, государство попросту применило силу, чтобы отбирать продукцию у крестьян («продразверстка»). Ленин признавал в 1921 г., что «мы фактически брали от крестьян *все излишки и даже иногда не излишки, а часть необходимого для крестьянина продовольствия*, брали для покрытия расходов на армию и на содержание рабочих»⁹⁴.

Эти и другие меры были названы «*политикой военного коммунизма*», которая затем была преподнесена как вынужденная и действующая только в период Гражданской войны, что было «явной попыткой *затушевать доктринальные истоки* политики “военного коммунизма”, которые и сам Ленин, и его соратники отчетливо раскрывали в 1917–1920 гг., в том числе в принятой в 1919 г. партийной Программе»⁹⁵. Если бы политика «военного коммунизма» продолжилась, это наверняка привело бы к падению большевистской власти (лозунг одного из самых крупных восстаний «Кронштадтского мятежа» гласил: «Советы без коммунистов»). Провал «военного коммунизма» стал, пожалуй, «первым звонком», сигнализовавшим об утопичности всего марксистского

---

⁹⁴ Ленин В.И. О продовольственном налоге (значение новой политики и ее условия) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. М.: Политиздат, 1970. С. 219.

⁹⁵ История экономических учений. С. 421.

«проекта». Сигнал коммунисты услышали и потому немного пошли на попятную (нэп). Но от самих «доктринальных истоков», в том числе от идеи «одной фабрики», не отказались. Другими словами, **идеология оказалась важнее эффективности.**

В экономической науке в середине 1980-х годов американским экономистом *Полом Дэвидом* был открыт так называемый «QWERTY-эффект», объясняющий, почему технические стандарты, менее эффективные, чем появившиеся позже, оказываются устойчивыми⁹⁶. Позднее на этой основе появилась теория зависимости от предшествующего пути («*path dependence*»), а та, в свою очередь, породила метод контрфактического моделирования, который напоминает метод конструирования альтернативной истории («что было бы, если...»). Однако для некоторых случаев такой метод непригоден. В частности, *Р.М. Нуреев* и *Ю.В. Латов*, ссылаясь на доклад Л.И. Бородкина, пишут: «Расчеты доказали, что большевистские страхи о неминуемом развитии в деревне “мелкобуржуазного” капитализма были сильно преувеличенными. Доля богатых крестьян росла бы при “долгом нэпе” довольно незначительно, а вот бедных хозяйств становилось заметно меньше за счет роста середняков. При таком сценарии за 1924–1940 гг. посевы выросли бы примерно на 70%, а поголовье скота — на 50%. В реальной же истории, увы, “великий перелом” привел к сильному спаду аграрного производства (поголовье скота, например, было восстановлено только в 1950-е гг.)». Следовательно, *выбор сталинской реформы институтов собственности вместо «долгого нэпа»*, считают авторы, следует признать по данным критериям (социальная дифференциация, аграрная продукция) относительно *неудачным*⁹⁷. Из этого делается вывод, что «применение теории зависимости от предшествующего развития к экономической истории институтов позволяет видеть их альтернативные издержки и тем самым делать выводы **об эффективности выбора, сделанного в бифуркационных точках** социально-экономического развития»⁹⁸. Но в том-то и дело, что здесь тот случай, когда нельзя говорить ни об удаче/неудаче выбора, ни о самом выборе между более и менее эффективными путями развития. Собственно, не было и самой точки бифуркации: «нэп» или «коллективизация». **Приоритет (и так случилось не**

⁹⁶ См.: *Дэвид П.* Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / редкол.: Я.И. Кузьминов (гл. ред.), В.С. Автономов (зам. гл. ред.), О.И. Ананьин и др.; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. С. 139–150.

⁹⁷ См.: *Нуреев Р., Латов Ю.* Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // Там же. С. 243.

⁹⁸ Там же.

1. Советский тип государства

раз вплоть до перестройки) однозначно отдавался единственной идеологии, а не экономической эффективности.

Ни государственная пропаганда, ни кампании по укреплению трудовой дисциплины, ни усиление наказаний за ее нарушения, ни даже предпринятые впоследствии попытки материально стимулировать работников *так и не привели к наивысшей производительности труда*, благодаря которой социализм/коммунизм и должен был показать историческое преимущество перед капитализмом. Производительность оставалась в СССР в целом на низком уровне, к тому же имманентными признаками социалистической экономики стали дефицит продовольственных и промышленных товаров и их низкое качество.

Как микроскопическую иллюстрацию, которая, однако, демонстрирует совершенно типические черты советской экономики, приведу отрывок из вполне рядового письма в журнал «Огонек» (1961 г.). Кстати, стоит предварительно заметить, что, поскольку в советское время практически не существовало форм правовой защиты, письма в редакции газет и журналов, как и обращения в партийные органы, были наиболее распространенной формой самозащиты людей и основным каналом для жалоб. В этом письме говорилось: «Два года мы *собирали деньги* на телевизор, долго *стояли в очереди*, наконец купили. Но он проработал *не больше часа* и все время выходит из строя. Он назван почему-то «Рекордом». Уж не рекорд ли это брака? Если заводу сходит с рук такое плохое качество, куда смотрят коммунисты завода?»⁹⁹. Обратите внимание: о несопоставимом уровне зарплаты и цены на телевизор, а также о трудности самой покупки читатель говорит как о само собой разумеющемся и не заслуживающем даже удивления.

Советская пропаганда старалась уверить людей, что все в государстве — и власть, и собственность — принадлежит «человеку труда», но реальность демонстрировала обратное, в том числе в вопросе *распределения общественного богатства*: те, кто оказывался «ближе» к механизмам распределения («учета и контроля»), активно пользовались своим положением.

В книге Деяний святых апостолов есть такая фраза: «*В эти дни, когда умножились ученики, произошел у Еллинистов ропот на Евреев за то, что вдовицы*

---

⁹⁹ Тихомиров В. Азбука быта. М.: Терра, 2008. С. 26. (Библиотека «Огонек»).

их пренебрегаемы были в ежедневном раздаянии потребностей» (Деян. 6: 1). Поясню: первые христианские общины состояли в то время в основном из евреев. Но в них входили как жители Иерусалима, так и те, кто жил в эллинском рассеянии — в землях, принадлежащих к эллинскому миру (как правило, в Малой Азии). Поэтому они и назывались эллинастами. И вот, поскольку первые христиане, напомним, ожидали скорое Второе пришествие Христа, они добровольно объединяли свое имущество, чтобы меньше заботиться о земном. Но, как видим, даже в таких братских общинах кому-то казалось, что продукты распределяются не вполне справедливо.

От марксистов приходится слышать, что первые христиане были первыми коммунистами. Наверное, так можно было бы говорить, если бы слово «коммунизм» означало только жизнь братской общиной. Но коммунистический эксперимент нагрузил это слово содержанием, очень далеким от романтического. В том числе и в сфере распределения общественного богатства: идеалистические предположения классиков разбились о реальную практику. Например, один из Марксовых тезисов, воспринятых Лениным, гласил: заработная плата чиновников не выше зарплаты квалифицированного рабочего¹⁰⁰. Но это правило в советской России сразу же стало нарушаться, и тому же Ленину пришлось выступить с инициативой ввести так называемый партмаксимум (ограничение материального обеспечения коммунистов — хозяйственных и других руководителей. «Партмаксимум» был введен в июне 1921 г., но отменен в конце 1920-х годов). Неудивительно, что на официальные уверения в том, что все принадлежит всем и каждому, народ отвечал частушками, анекдотами и неформальными лозунгами типа: *«Ты тут хозяин, а не гость, тащи отсюда каждый гвоздь!»*. Да и в действительности люди пытались «тащить все, что плохо лежит». А вот «государство рабочих и крестьян» реагировало в духе восточных деспотий.

Достаточно напомнить, что во время массового голода в стране в начале 1930-х годов, во многом ставшего следствием бурной коллективизации крестьянства, было издано Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», которое, в частности, предусматривало: «Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного

---

¹⁰⁰ См., например: *Ленин В.И.* Государство и революция. С. 50, 110.

1. Советский тип государства

имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества»¹⁰¹. Этот акт в народе назвали «законом о колосках». Дело в том, что к «хищению колхозного имущества» приравнивались даже попытки людей собирать колосья злаков, чтобы спастись от голодной смерти. Вот, к примеру, слова из сводки ОГПУ от 22 июля 1932 г. (подобные сводки и побудили власть принять названное постановление): «Краснодарский район: в колхозе “Пролетарская диктатура” станицы Н. Машыновской группа объездчиков ночью обнаружила в поле 5 женщин, срезавших колосья пшеницы. При попытке к задержанию женщины побежали в разные стороны. Охрана дважды выстрелила из дробовиков. Одна из бежавших колхозниц тяжело ранена (умерла через несколько часов), вторая единоличница получила легкое ранение. Белореченский район: на полях в колхозе станицы Октябрьской задержана толпа колхозников и единоличников... с мешками нарезанных колосьев, в количестве 40 человек...»¹⁰².

Когда режим, после смерти Сталина, несколько смягчился, воровство с рабочих мест стало тотальным (появился даже советский неологизм — «несун»). С этим власть тоже боролась, но безуспешно и не так кровавадно, как в 1930–1940-е годы.

Опыт СССР и других стран, добровольно или вынужденно следовавших ленинской концепции, показал, что социалистическое государство присваивает «прибавочную стоимость» в гораздо большем объеме, нежели частный предприниматель. Понятно, что государство аккумулирует совокупный общественный продукт для того, чтобы затем его распределять. У нас эта часть совокупного продукта именовалась «общественными фондами потребления». Государственное распределение способствовало созданию у советского человека иллюзии всеобщей бесплатности — здравоохранения, образования и т.д. (именно это служит для многих основой ностальгии «по советскому» и не позволяет сформировать у человека сознание *гражданина-налогоплательщика*). Присвоив себе возможность распределять социальные блага, государство (власть) получило и возможность самостоятельно определять propor-

---

¹⁰¹ Цит. по: Сайт «Libussr.ru» (дата обращения: 07.10.2017).

¹⁰² Шостко И. Серп и молот — смерть и голод [Электронный ресурс] // Сайт ИД «Крестьянин». URL: <http://www.krestianin.ru/articles/6489.php> (дата обращения: 16.09.2012).

ции государственных расходов. А они были таковы, что огромная часть совокупного продукта шла на реализацию **мессианской идеи** — воцарения социализма/коммунизма на всей планете под руководством СССР.

Особенно явственно это ощущалось в период сталинского правления, когда большевики еще продолжали готовиться к *мировой революции*. Естественно, сам СССР (на гербе которого был изображен земной шар с серпом и молотом) мыслился как образец и центр будущего мироустройства, а *советский вождь* — как *мировой лидер*. Именно через такую призму — личного стремления к мировому владычеству — и следует оценивать все действия Сталина.

Вплоть до нападения гитлеровской Германии на СССР Сталин отвергал всякие попытки британского правительства наладить контакты с Москвой, чтобы создать антигитлеровскую ось. Историк и дипломат **А.Г. Донгаров** пишет, что Сталин «со всей откровенностью заявил британскому послу С. Криппсу 1 июля 1940 г.: “СССР не заинтересован в восстановлении старого европейского равновесия”, так как это противоречит его интересам. В чем состояли не названные Сталиным интересы, известно: разгромить Великобританию немецкими руками, затем разгромить Германию в результате европейского похода Красной армии»¹⁰³.

Когда сегодня кто-то называет его «**эффективным менеджером**», это не только кощунственно, но и **неверно по существу**.

Сталин не был *менеджером* — наемным управляющим даже формально, ибо народ-суверен не «нанимал» его посредством свободных выборов. Не был им и фактически, так как позиционировал себя в качестве *вождя* («учителя и отца народов»). Он не выполнял волю принципала, если говорить в терминах принципал-агентской модели, — напротив, народ следовал его воле, и при этом никто, не рискуя быть раздавленным репрессивной машиной, не смел допускать даже тени сомнения в правильности целей и средств государственной политики.

Что же касается *эффективности*, то все дело в том, в каких координатах мы ее определяем. **Социальная эффективность** принципиально отличается от эффективности, условно говоря, **утилитарной**. Так, изобре-

¹⁰³ Донгаров А.Г. На пути к 22 июня // Труды по россиеведению: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр россиеведения; гл. ред. И.И. Глебова. Вып. 7. М., 2018. С. 343–344.

1. Советский тип государства

тенная в период Великой французской революции гильотина, конечно, стала гораздо более эффективным орудием казни, чем традиционный топор палача. Но были ли для французского общества «эффективны» массовые казни «врагов народа» — сначала аристократов, а затем (в рамках внутривидовой борьбы) самих революционеров? Социальная эффективность имеет иные критерии. И прежде всего о ее степени можно судить по развитию того, что называется сегодня **человеческим капиталом** (хотя мне представляется более важным и емким показателем **охраны человеческого достоинства**¹⁰⁴). Если оценивать социальную эффективность советской власти в целом и сталинского правления в частности, то она была скорее со знаком «минус».

Отрицательные значения социальной эффективности обязаны в первую очередь тому, что множество людей были лишены возможности самореализоваться. Кто-то имел «не то» социальное происхождение, кто-то был родственником «врага народа» (а таких насчитывались сотни тысяч), а кто-то и сам попал в «мясорубку» *насильственной криминализации*. **В.П. Попов**, который ввел этот термин, имеет в виду, что масса людей совершенно необоснованно лишалась свободы. По результатам своего исследования он приводит такие цифры: в РСФСР общее число осужденных за 1923–1953 гг. превышало «40 млн человек (без учета осужденных военнослужащих, число которых составляло в 1946 г. по стране 109 тыс. человек). Однако и эта цифра является далеко не окончательной. <...> Численность населения РСФСР в эти годы изменялась следующим образом: в 1926 г. — 92,8 млн, в 1939 г. — 109,4 млн, в 1951 г. — 99,3 млн человек. Если из общей численности населения вычесть лиц до 14 лет и старше 60, как малоспособных к преступной деятельности, то выяснится, что в пределах жизни одного поколения — с 1923 по 1953 г. — **был осужден практически каждый третий дееспособный член общества. Поистине страна насильственной криминализации!** Процент преступников-рецидивистов был сравнительно невысоким — следовательно, подавляющее большинство из указанных 40 миллионов было осуждено впервые»¹⁰⁵.

Государственной машине, возглавляемой Сталиным, удалось за сравнительно короткое время превратить страну в военный лагерь (од-

---

¹⁰⁴ См.: *Краснов М.А., Краснов П.М.* К разработке Индекса охраны человеческого достоинства // *Общественные науки и современность*. 2011. № 6.

¹⁰⁵ *Попов В.П.* Государственный террор в советской России. 1923–1953 гг. (источники и их интерпретация) // *Отечественные архивы*. 1992. № 2. С. 22.

новременно и в «лагерь концентрационный»). Однако это не было следствием грамотного управления: обилие природных и трудовых ресурсов плюс пропаганда и репрессии позволяли выдавать грубые управленческие ошибки за мудрость и прозорливость. Если где Сталин и был эффективным, так это в бюрократических играх, сумев трансформировать свою организационно-техническую должность генерального секретаря ЦК партии в должность руководящую, а затем использовать ее для того, чтобы стать всемогущим диктатором и обеспечить себе квазирелигиозное поклонение.

Напомню, что один из любимых аргументов поклонников сталинизма гласит: «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой»¹⁰⁶. Не стану долго говорить о том, что Сталин «принимал страну» отнюдь не с «сохой». Добольшевистская Россия, конечно, была еще во многом крестьянской страной. Но с конца XIX в. в ней бурно развивалась промышленность, росла и грамотность населения. Так что к 1930-м годам, а тем более к середине XX в. страна без сомнения стала бы ведущей в мире. Вот только один пример — строительство железных дорог.

В.Н. Козлов и **Д.Б. Орешкин**, проанализировав статистические данные, пишут, что длина железных дорог в 1913 г. (в советское время за точку сопоставления брался именно этот — предвоенный — год) составляла 58,5 тыс. км, а в 1956 г. — 120,7 тыс. км, т.е. увеличилась более чем вдвое. Однако с 1865 по 1890 г., т.е. за 25 лет, железнодорожная сеть России выросла *в 7(!) раз* — больше, чем в Англии (ее показатель за тот же период — 6 раз), хотя и несколько меньше, чем в Германии. «Но, в любом случае, царская Россия очевидным образом входила в число мировых лидеров по темпам развития транспортной инфраструктуры»¹⁰⁷. «С 1893 г. Россия вводит в среднем уже по 2,5 тыс. км путей в год: на рубеже веков среднегодовой

---

¹⁰⁶ В первом издании я написал, что авторство слов точно не установлено, но их приписывают У. Черчиллю. После выхода книги мой бывший студент-магистрант Давур Дорджиев сообщил мне, и за это я ему весьма благодарен, что британский историк Ричард Лангуорт выяснил, что эти слова были сказаны около 1953 г. английским марксистом А. Дойчером, восторгавшимся Сталиным (см.: Richard M. Langworth — Senior Fellow, Hillsdale College Churchill Project, Writer and Historian [Электронный ресурс] // URL: <https://richardlangworth.com/quotes-churchill-never-said-4> (дата обращения: 17.12.2018).

¹⁰⁷ *Козлов В.Н., Орешкин Д.Б.* Статистика и этика // *Общественные науки и современность*. 2009. № 1. С. 89.

1. Советский тип государства

прирост приближается к 2 тыс. км и даже более. Параллельно растут объем грузоперевозок, показатели торговли, промышленное производство, урбанизация и т.д.»¹⁰⁸. «Среднегодовой прирост сети с 1913 по 1956 г. — 1,4 тыс. км. То есть благодаря революции, коллективизации, индустриализации, мобилизации, идеологизации, концентрации и централизации “желдор-транспорт” под личным контролем вождя в XX в. успешно съехал на темпы времен отмены крепостного права (1865—1875 гг.)»¹⁰⁹. А далее авторы объясняют, почему выбрали пример с железными дорогами: «В других случаях советская статистика маскирует провалы чуть-чуть искуснее. Либо подменяя понятия, когда, например, вместо цифр по урожаю доказательством успеха служат цифры по увеличению распашки земель в колхозах и сокращению доли кулацких хозяйств. Либо показывая прирост в процентах, чтобы нельзя было сравнить натуральные объемы. Либо измеряя прирост в рублях. Советский рубль с точки зрения экономического эталона столь же эффективен, как каучуковый эталон метра. Рублей сколько велел Госплан, столько и напечатали. Поэтому прирост производства, выраженный в них, может легко достигать и 20, и 30, и 50,5 при неизменном или даже убывающем натуральном объеме. Советская статистика быстро усвоила правила игры: ее задачей стало не отражение действительности, а доказательство преимуществ социалистического строя. Если некий факт таких преимуществ не доказывает, его просто нет. Или, как апокрифически сформулировал видный советский экономист, академик С. Струмилин, “лучше стоять за высокие темпы развития, чем сидеть за низкие”»¹¹⁰.

Примечательно, однако, другое: именно «атомная бомба» фигурирует как главное достижение сталинского режима. Понятно, что под словами о бомбе подразумевается передовая наука и соответствующий уровень промышленности. Но, во-первых, нет сомнений, что уровень научных и технических достижений был бы на порядок выше, если бы репрессивная власть не вынуждала одних ученых и инженеров к эмиграции (хрестоматийными стали фамилии И.И. Сикорского и В.К. Зворыкина, я уж не говорю о «философском пароходе»), не уничтожала бы других, не помещала бы третьих в «шарашки». (Об одной из «шарашек» говорится в романе *А.И. Солженицына* (1918—2008) «В круге первом». Там тоже были достижения, но, повторю, неужели в условиях свободного творчества они были

---

¹⁰⁸ Козлов В.Н., Орешкин Д.Б. Указ. соч. С. 89.

¹⁰⁹ Там же. С. 90.

¹¹⁰ Там же. С. 91.

бы ниже?) А во-вторых, неудивительно, что «достижения Сталина» редуцированы именно до средства массового уничтожения: государственная цель заключалась в противостоянии «империалистическому лагерю» — и ради этого как в бездонную топку бросались судьбы людей, природные богатства, культурные ценности и проч. и проч.

За символом «атомной бомбы» скрывается ко всему прочему совершенно технократический взгляд на смысл существования общества (еще раз к вопросу о социальной эффективности). Да и само понятие «передовая наука» как один из индикаторов развития не может ограничиваться научными достижениями, предназначенными только для военного или связанного с ним производства. Современная наука и вообще современное общество немислимы *без социальных наук и наук о человеке*. Между тем эти научные сферы, как, впрочем, и некоторые области естественных наук, находились в СССР под жестким идеологическим контролем, а некоторые научные направления либо напрямую запрещались (например, социология, психология, генетика, кибернетика), либо существенно ограничивались, их представители подвергались разного рода репрессиям.

Мобилизационная модель (индустриализация), в ходе которой в СССР действительно была создана (а во многом воссоздана после Гражданской войны) тяжелая промышленность, могла стать основой для улучшения жизни людей и последующего динамичного развития экономики. Но не стала. Нельзя отрицать, что к 1940 г. обозначилось некоторое повышение материального уровня жизни населения. Однако в целом достигнутые результаты предназначались не для человека, а для все той же мессианской цели.

«Расчет советского валового национального продукта (ВНП) по западной методике в *миллиардах рублей 1937 г.* по четырем отраслям выглядит так:

Отрасль	1928	1940	Рост
Оборона	1,7	45,2	26,58
Содержание правительства	8,9	37,1	4,17
Капиталовложения	16,6	50,1	3,02
Потребление населения	105,7	129,5	1,22
Сумма ВНП	132,9	261,9	1,97

1. Советский тип государства

Бросается в глаза, что по сравнению с ростом населения в 1,27 раза потребление увеличилось в 1,22 раза. То есть в среднем население в 1940 г. получало несколько меньше, чем в 1928 г. Эта средняя цифра скрывает тот факт, что потребление на душу городского населения несколько возросло, а сельского — сильно упало. Ограничение потребления в городе и на селе позволило увеличить долю накопления в ВВП (то есть капиталовложений) с 12% в конце НЭПа до 26% в 1937 г. и 19% в 1940-м. Спад накопления за последние три года вызван переброской средств в военное производство. Отметим, что вложение 26% ВВП в рост экономики — доля исключительно высокая, указывающая на то, что *расходовались эти средства расточительно*. Царская Россия добивалась шестипроцентного роста, вкладывая немногим более 8% собственного ВВП, что с добавлением иностранного капитала соответствовало 13–14% ВВП»¹¹¹.

Понятно, что СССР готовился к войне. Но ведь другое тоталитарное государство — Германия — также готовилось к ней, а средний уровень жизни населения в 1930-е годы там рос. По формальным параметрам сталинский режим в целом соответствовал известному в институциональной экономике понятию «*стационарный (оседлый) бандит*», однако деятельность государства напоминала скорее «*кочующего бандита*», который стремится побольше награть и уйти (эти понятия ввел американский экономист *Мансур Олсон* (1932–1998)). Ощетинившаяся оружием страна при бедном населении — вот результат «эффективного менеджмента», который привел к историческому провалу «советского проекта» в целом.

У меня в голове давно сложился образ советской действительности — «космический корабль, проплывающий над бараками». Примерно о том же пишет мой коллега по Высшей школе экономики, замечательный исследователь русского языка *Г.Ч. Гусейнов*: «*Сталинскими у нас называют добротные дома высокого класса, которые строили, стало быть, при великом вожде и отце всех народов, а вот хрущобами называют бедное железобетонное строительство эпохи Хрущева, которого изображают эдаким жалким ниспровергателем Сталина. <...> на самом-то деле сталинская архитектура — это не те несколько сотен роскошных многоквартирных домов для элиты, в которых горит “московских окон негасимый свет”, а, совсем наоборот, десятки тысяч барачков — не только лагерных, а и тех, дру-*

---

¹¹¹ История России. XX век: 1894–1939 / отв. ред. А.Б. Зубов. М.: Астрель: АСТ, 2009. С. 911.

гих, в которых и до сих пор живут еще по городам и весям бывшего СССР сотни тысяч людей»¹¹².

После смерти Сталина режим стал менее кровавым, что, впрочем, объяснялось не столько гуманизмом партийного руководства, сколько инстинктом самосохранения: никто из представителей номенклатуры больше не хотел все время трястись от страха. Однако messiанская цель осталась. Только вместо ожидания «мировой революции» и соответствующей помощи зарубежным «братьям по классу» появилась идеологема «мирного соревнования (сосуществования) с капитализмом». Но и это «соревнование» требовало, с одной стороны, продолжения милитаризации, а с другой — помощи многочисленным «братским компартиям капиталистических стран», государствам, вошедшим в «советский блок», и странам, освобождающимся от колониальной зависимости, стоило лишь их лидерам заявить о своих симпатиях к СССР.

В то же время в ситуации «мирного сосуществования» сработала социальная закономерность: ослабление репрессивного давления на общество и угасание надежд на то, что «мы строим новый мир», привели к тому, что люди стали обращать внимание на свои житейские потребности. Они увидели, что власть не всегда спешит выполнять даже минимальные социальные обязательства. В 1950–1960-е годы прошло несколько антиправительственных выступлений, из которых сегодня наиболее известны кровавые новочеркасские события 1962 г. (выступление рабочих из-за повышения цен на мясо). Это заставило власти направлять более значительные материальные средства в социальную сферу, прежде всего на массовое жилищное строительство и постепенное повышение зарплат.

Однако экономика даже такой богатой ресурсами страны, как СССР, не могла одновременно нести бремя messiанства и поддерживать сносный материальный уровень жизни населения. Советское послесталинское руководство время от времени намечало и вроде бы начинало проводить реформы. Однако они либо не приносили успеха, либо сворачивались по идеологическим причинам, если содержали намек пусть

---

¹¹² Гусейнов Г. Язык мой — Wrack мой. Хроника от Ромула до Ленинопада. Киев: Laurus, 2017. С. 312.

1. Советский тип государства

и на слабое, но подобие рыночной экономики. Так что уже к концу советской власти (1990 г.) уровень ВВП на душу населения все равно составлял лишь 30–40 процентов от уровня развитых стран. На какое-то время совместить обе задачи помогло резкое наращивание добычи углеводородного сырья (к 1970-м годам началось освоение богатейших запасов нефти и газа в Западной Сибири) на фоне роста с 1972 г. мировых цен на углеводороды. Однако именно сырьевая ориентация в условиях полностью государственной экономики стала затем существенным фактором краха советской модели «одной фабрики»¹¹³.

«Советы — работающие корпорации»

Вторая родовая черта советского типа — **полное отрицание каких бы то ни было институтов, позволяющих ограничивать государственную власть**. Другими словами, советская система власти противопоставляется системе, построенной на принципе разделения властей. Такая модель была «открыта» Парижской коммуной, которую К. Маркс, собственно, и назвал **«работающей корпорацией»** — *«в одно и то же время и законодательствующей и исполняющей законы»*¹¹⁴.

Маркс описывал Коммуну как образец будущего «пролетарского государства», где все основные государственные институты должны быть подчинены народу, ответственны перед народом, формироваться (прямо или опосредованно) народом. Это относилось и к полиции (она была «превращена в ответственный орган Коммуны, сменяемый в любое время»), и к чиновникам «всех остальных отраслей управления. Начиная с членов Коммуны, сверху донизу, общественная служба должна была исполняться за заработную плату рабочего», и даже к судьям, которые «должны были впредь избираться открыто, быть ответственными и сменяемыми»¹¹⁵.

Развивая эту концепцию, Ленин ввел понятие **«полугосударство»**, поскольку «соединение законодательных и исполнительных функ-

---

¹¹³ См. об этом подробнее: *Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.

¹¹⁴ *Маркс К.* Гражданская война во Франции. С. 342.

¹¹⁵ См.: Там же. С. 342–343.

Krasnov, Mikhail A. An Introduction to Constitutional Law: Explaining Complex Concepts [Text]: The College Level Textbook / M. A. Krasnov ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: HSE Publishing House, 2020. — 512 pp. — 800 copies. — ISBN 978-5-7598-2117-5 (hardcover). — ISBN 978-5-7598-2026-0 (e-book).

In his book the author, a tenured professor at National Research University Higher School of Economics, explains the most elusive concepts of constitutional law including constitution, democracy, republic, rule of law, secular state, etc. He analyzes these fundamental categories in terms of their historical development and from the perspective of different researchers. The author uses metaphors and other creative techniques in order to try and provide a visual image of abstract concepts.

The textbook is aimed at students in the field of law at bachelor's and master's levels, as well as at the broad audience interested in the history of the development of the Russian Constitution and the problems of constitutional law.

Учебное издание

Краснов Михаил Александрович

**Введение в конституционное право
с разьяснением сложных вопросов:
учебное пособие**

Второе издание, переработанное и дополненное

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *Г.Е. Шерихова*

Художник *В.И. Каменева*

Компьютерная верстка: *О.А. Быстрова*

Корректор *Г.Е. Скальская*